

**АЛЕКСАНДР
СИВИНСКИХ**

ИМЯ НАМ — ЛЕГИОН

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Александр Сивинских

Имя нам – Легион

«Автор»

2000

Сивинских А. В.

Имя нам – Легион / А. В. Сивинских — «Автор», 2000

Куда податься парню, который умеет только одно – ДРАТЬСЯ? Только – вступить в, мягко говоря, своеобразный `иностраный легион`. В легион, что сражается в ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ВСЕЛЕННЫХ... Война – НАЧАЛАСЬ. Мы о ней не узнаем... Но – ОНА ИДЕТ. Война с `хонсаками` – монстрами из еще одной реальности. Война, которая вот-вот уничтожит, искалечит целую планету. Легионеры знают, ПРОТИВ КОГО сражаются. А вот – ЗА КОГО они сражаются? Кто таковы – ТЕРРАНЕ, тайные, никому не известные `хозяева Земли`...

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	23
ГЛАВА 4	32
ГЛАВА 5	41
ГЛАВА 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Сивинских

Имя нам – легион

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

*– Разнесу деревню дрыном
до последнего венца!*

*– Ты не пой военных песен,
не расстраивай отца!*

Частушка

Признаюсь, с самого начала имел я к этому избраннику народа, владельцу заводов, газет, пароходов, самолетов и прочего дорогостоящего добра очень нехорошие чувства. Очень. С подобным эмоциональным настроением не в телохранители, а только в киллеры бесплатные идти.

Когда же я его, поганца, живьем увидел... Словами тут делу не поможешь, нету таких слов, чтобы мои чувства описать. Ну, у меня нету. Этаким жирным коротышкой неопрятный: все пальцы в шерсти и перстнях, головешка наоборот плешивая, а уж харя – чисто блин масляный, такая же плоская и лоснящаяся. Аскер Мамедович Аскеров. Личность известная, уважаемый человек в высоких кругах. В баньку собрался, дарагой. Девки с ним, аж целых три штуки, поголовно в блондинок крашенные. Коньяк, закуска и прочие атрибуты полусветской жизни городской элиты – в достаточном количестве. Он, значит, гулять будет, а я оберегать его от народных масс и сподвижников.

В общем-то, я бы, наверное, не обратил внимания ни на его внешность, ни на девок – повидал таковых во всяких видах – и стерел бы Аскеровский гигиенический процесс не хуже пса цепного... если из-за дежурства этого внепланового не пролетел бы с давно намеченной вечеринкой. И сколько угодно можно убеждать себя, что Аскеров тут совершенно ни при чем, раз уж Никола прихворнул, что гневаться грешно, а вот поди ж ты – один черт кулаки чешутся шею депутатскую намылить докрасна. Без мыла. А девкам продажным – задницы надрать. Ремнем. У меня для такого дела как раз подходящий – из натуральной буйволово́й кожи. “Ливайс”, фирменный.

Ну, приехали в баньку загородную. Лес, речка, заборчик – не бетонный, а чугу́нный, под Каслинское литье. Шестерки сразу забежали, коробки таскаючи, мы с напарниками все окрест обнюхали, внутри пошарили, приглашаем: «Все чисто, мил человек, иди, парься!»

Вывалился он из своей «Вольвы», девки за ним. Мы, как раньше договорились, рабочие зоны занимаем. Мне выпало при входе работать. И то благо, до конца помывки рожу противную видеть не придется.

Бдю. Скучаю. Час прошел, другой проходит. Депутат продолжает широко отдыхать, о чем меня перманентно извещает задорный женский визг. Щечочет он их, что ли? “Щекотун, блин!” – хохотнул я. И сразу снова приуныл. Вспомнил, что кабы не он, так и мне бы нашлось, чем сейчас с девчонками заняться. Со своими, понятно, не с этими, прости их, Господи...

И только я приготовился пустить из глаза горькую слезу обиды, как на улицу одна из тех ночных бабочек выпорхнула. Покурить. Слово за слово, разговорились. Я бдительности стараюсь не терять, за то мне и платят. Но трудно нести службу по уставу, когда рядом красотка

полураздетая в шубке короткой на аппетитное тело, вполне вероятно голенькое; а принципал – в свою очередь гад, каких мало. И которого ни одна баня в мире уже не отмое.

Да ему это и ни к чему.

Жанна, как представилась девчонка, блондинкой оказалась натуральной, на это дело глаз у меня наметан. К великому моему изумлению, не обделена она была и кое-какими мозгами и даже чувством юмора. Вдобавок выяснилось, что она – выпускница той же Alma mater, что и я. Случится же такое! Как все-таки тесен мир... (Кажется, это еще до меня наблюдательные люди заметили.)

Признаюсь, размяк.

И совсем мне стало не до караула, когда, приблизив ко мне горячее лицо и вода нежно ноготками по рельефной груди моей, начала Жанна намекать, что я – как раз тот самый славный парень, с которым она готова и невинность потерять, и даже на Аскера положить. С прибором. Прямо тут. Надоели мол, ей до чертиков желеобразные пузаны. И что мои стальные мышцы приласкать – самое ее заветное желание с детсадовских еще времен.

И далее в том же духе.

Я зубы скалю, но чувствую, слова ее на благодатную почву падают.

Только одно меня, некурящего, и удерживало от злостного нарушения всех и всяческих правил да предписаний охранной службы – то, что от нее табачищем здорово припахивало. Но и этот редут готов был уже сдаться на милость победителя, когда...

– Нет, блин, этот господин Аскеров точно задумал стать моим личным врагом! – заорал я в лицо высунувшейся из предбанника серенькой личности депутатского референта, пригласившей меня на срочную аудиенцию «ки шефу».

– Не имею права, понял! – добавил я и демонстративно отвернулся.

Жанна с безразличным видом прикуривала сигаретку, делая вид, что совершенно со мной не знакома. «Все-таки боится», – понял я и выказал не меньшую индифферентность к хорошенькой блондинке, уставившись сквозь стеклянные двери на осеннюю хмарь. Вместо сигареты я кинул в рот ментоловый леденец.

Референт обругал меня нехорошо по-своему, упоминая мою «баши», которая неоднократно кем-то «сичмэ». Исчез он прежде, чем я успел рассказать ему, где видел недавно его родственников, и что такое занятное делал там с ними многочисленный крупный рогатый скот, грязные ослы и линялые вшивые верблюды.

В ожидании второй серии (а что она обязательно последует, сомнений не было), я припоминал кое-какие тюркские выражения, способные стать в горных местах причиной затяжной клановой войны. Меня от этих мест, к счастью, отделяли многие сотни километров, и я готов был рискнуть.

Рисковать, однако, не пришлось. Скоро на месте приемного сына всех племенных ишаков губернии появился Юра по прозвищу Долото, наш старшенький. Он торопливо затолкал в карман штанов что-то, напоминающее денежку, и мотнул мне головой:

– Ты это, того... под мою ответственность.

Я нехотя потащился во влажную жару предбанника.

Аскер Мамедович возлежал на широком топчане, мало-мало прикрывшись махровым полотенцем с журавлями (или цаплями?) и Фудзиямой. От жары его блин покрывался обильным потом и показался мне еще менее привлекательным, чем раньше.

– Иэ, ты пачэму не слюшаешь старших, да? Иэ, сказали «иды», надо пабегом пабежать. – Он щелкнул пальцами, и референт подскочил ко мне, протягивая ключи от машины. – Хател, тебе, панимаешь, каньяк-маньяк угощать, а шас нэ хачу! Иды, да, на рынок Заречный поедь. Тофика Муртазова найди, зелень-мелень возьми, сюда вези. Пабегом давай! – взвился он, видя, что я не реагирую. – Пабегом, гаварю, пока не паставил тибе раком и не изделал питухом!

– Плохой ты, дядька, психолог. И как только таких тупиц в депутаты берут? – преувеличенно спокойным тоном поинтересовался я. – Потому что был бы хорошим, заткнулся бы на половине своей безрассудной речи. И в рыло бы не получил. Ну а те-перь уж поздно, пришло время камешки собирать!

Я быстро метнулся вперед, схватил его за маленькие крепкие ушки и пару раз приложил мордой об колено. За спиной задвигались. Я обернулся, поводя стволом «Макарова» от Юры к референту и обратно. Серегу, третьего бодигарда, я не боялся, он патрулировал периметр бани и внутри появиться не мог. По крайней мере, пока не поднимется стрельба. А она не поднимется: Долото на пару с братом копытных сноровисто занимали положение лежа на полу с заложенными за голову руками. Вот что значит опыт, и объяснять ничего не понадобилось! Юра, ясное дело, видывал, как я стреляю, и решил просто не нарываться. Референт же, видимо, был сам по себе человеком умным и осторожным.

Чего не скажешь о его шефе.

Аскер Мамедович, беспрестанно ругаясь на двух и более языках и отплевываясь выбитыми зубами, поднимался с пола, сжимая в волосатом кулачке красивый блестящий кинжал. Хорошая вещица. Вероятно, им разделявали баранов и врагов еще депутатские предки, настолько кинжал был настоящим. Прадеды-то, может и сумели бы вспороть мне брюхо или горло, но, увы, у их цивилизованного потомка сноровка была не та. Резать колбасу и резать людей – вещи абсолютно разные. Не знаю, успел ли воинственный депутат понять это, прежде чем снова рухнул на пол, картинно раскидав руки и непристойно – ноги. Блин его стал выглядеть совсем богато, густо украшенный красной икрой разбрызгавшейся крови.

Я брезгливо набросил полотенчику на шерстяные чресла. Немного полюбовался гравировкой перекочевавшего ко мне оружия настоящих джигитов. Признаюсь, едва удержался от мародерства.

– Ты чё, Капрал, гребанулся? – подал голос залежавшийся в неудобной позе Юра. – Ты чё – кретин? Не втыкаешься, на кого залупился?

Я весело подмигнул блондиночкам, бесстрастно плескавшимся в бассейне. Приставив палец к губам, прошептал: «Тсс!» Блондиночки слаженно кивнули. Затем подобрался с наиболее безопасного направления к заботливому Долоту, опасному своим рукопашным мастерством. Постучал его слегка по бритому затылку стволом пистолета и менторским тоном сообщил:

– Иные, может, и зовут меня Капралом – так это мои друзья. Ты, Юра, мне те-перь уже не друг. Я тебя больше и знать-то не хочу. Доставь мне удовольствие, Юра, обращай ко мне в дальнейшем по имени-отчеству. Отчество моё, если помнишь, Ар-тамонович. Иначе я стукну тебя по голове и очень больно.

Юра доставить мне удовольствие не захотел и решил лучше промолчать.

Только пытел недоволю.

Я остороженько собрал все оружие (у референта оказался «Вальтер ПП», а у Долота – «Макаров» и электрошокер) и средства связи. Разрядил пистолеты и шокер, полюбовался еще раз на кинжал и булькнул скопом в бассейн, под ноги девочкам. Потом посоветовал мужчинам «не шутковать» и с достоинством пяťясь, покинул поле боя.

Жанна все еще курила. Она обернулась на звук запираемой мною двери в «апартаменты» и сделала неуверенную попытку к сближению. По лицу ее почему-то бежали слезы. Я отрицательно покачал головой. Потом запихал в парилку ничего не понимающего банщика, подпер дверь крепким с виду деревянным креслом и вышел на свежий воздух.

На зов брелока автомобильных ключей отозвалась красная «Хонда» референта. Я забрался на место водителя, завел двигатель и посигналил.

Серега не заставил долго ждать.

– Увольняюсь, – кротко объяснил я ему, вручая казенный ПМ с заклиненным двумя ломаными спичками затвором. Затем газанул и с пробуксовкой рванул с места, оставив позади спокойную жизнь, а может и жизнь вообще...

Водитель из меня никудышный. “Чайник”. Гроза пешеходов. К счастью, их было немного на улицах в этот поздний час.

Автомобиль остановил в квартале от институтского общежития.

Дело в том, что телохранителем я только подрабатываю. Подрабатывал, то есть, до сегодняшнего инцидента. Вообще-то я инженер-конструктор в престижном еще не-давно и полу-дохлом нынче Императрицынском НИИ тяжелой прокатки. Молодой спе-циалист. Надежда, стало быть, отечественной металлургии.

Сначала моя научная карьера складывалось, как будто, неплохо.

В этом самом ИНИИТП, куда я устроился после института с громким званием «инженер-механик», встретили меня более чем радушно. Сходу приняли в подраздел зубчатых и обгонных муфт, положили умеренно приемлемый для недавнего студента оклад и обласкали местом в чистеньком и уютном общежитии. Однако сразу предупредили, что блюминги и слябинги сейчас мало кому нужны даже задарма, а поэтому, если я желаю достойной моего высокого образования жизни, придется подрабатывать где-нибудь еще.

Я, признаться, ленив. И достаточно неприхотлив – после студенчества-то. А еще, как выяснилось несколько позднее, безумно наивен. Лучше потерплю, решил я, чем сверх нормы горбатиться. А вечерами буду лаборанток в общаге тискать да в спортзал ходить – мышцы накачивать.

Терпел я эдак, терпел, месяца три, не меньше, а потом и без того поджарый мой живот окончательно подвело. И спортивные тренажеры тут ни при чем. Голодно, дя-денька, голодно... Да и лаборантки предпочитают, оказывается, сперва выпить шампан-ского, покушать шоколада и фруктов, а уж только после этого подставлять прелести под ищущие человеческого тепла руки. В пристойный тренажерный зал и подавно бес-платно не пускают...

Н-да... Присел я как-то перед своим кульманом и пригорюнился, вперив в чистый лист ватмана невидящий взгляд. Начальник группы, многомудрый пятидесятипя-тилетний к.т.н. Вадим Петрович, видя такое дело, похлопал меня по поникшим плечам и предложил не дурить, а попробовать себя в роли консультанта по интимным круже-вам:

– И ходить далеко не надо, и дамы будут в явном восторге от такого мальчика, ма-о-денького да кудрявенького.

Почему он вспомнил про кружева, спросите? Как же, весь первый этаж НИИ от-дан был по причине общего безденежья в аренду двум шикарным салонам: компьютер-ному и дамского белья. Что, понятно, служило благодатной почвой для не иссякающего потока однообразных шуточек.

Я решил, что черт чем только не шутит, и отправился вниз. Пытать счастья.

На дамский салон решительности у меня, конечно, не хватило, но в компьютер-ную лавку я завернул, ведомый мнением о себе, как о неплохом знатоке представлен-ного там товара.

Прилизанный молодой человек с глянцевым бэджом на кармане белоснежной рубашки, оглядев меня с ног до головы и обратно, радостно затряс головой.

– Великолепно, юноша! Вы чрезвычайно верно поступили, обратившись именно к нам! Идемте, я представлю вас управляющему. Если вы ему понравитесь, а так скорее всего и будет, то отдел кадров вот здесь, а костюмерная – здесь, – сообщил доверитель-но прилизанный.

При чем тут костюмерная, я понял только в кабинете компьютерного босса.

Думаю, правда, сам он одевался преимущественно в соседнем салоне.

Вылетев, как ошпаренный, из его неумеренно ласковых объятий на волю, я пу-лей про-мчался через все местное подразделение Содомы, вытирая носовым платком за-лапанные пре-

старелым геєм ладони и отмечая боковым зрением то, на что не обратил внимания раньше. Среди персонала не было ни одной девушки...

Еще с месяц я толкался там да сям, но безрезультатно.

И пришлось мне, горемычному, двинуть туда, куда двигать хотелось меньше всего. Но где ждали таких как я удалцов, богатых боевым армейским опытом, с рас-простертыми объятиями. По крайней мере, я подыскал фирму, согласную на совмещение моей инженерной деятельности с работой, предоставленной ею. Без заметного ущерба для обеих. Называлась фирма частным охранным агентством «Булат». Стерег я, ночь через две, небольшую лавочку, наживающуюся на ночных любителей горячих блюд от хорошей кухни.

Тем и жил. До сего несчастливого дня.

Подменил Николу, называется!

Ручки мои уже здорово дрожали, а место, грубо называемое “очком”, выполняло рефлекс-торное движение «жим-жим». Я забросил ключи в ближайшую сливную решетку и крадучись двинулся к месту обитания молодых специалистов ИНИИТП. Сегодня я по своей дурости пренебрег одним из главных спецназовских правил выживания: «Не суй голову туда, откуда не сможешь ее высунуть». Пока эту пустую баклагу еще не прижало окончательно, нужно было «ложиться на тюфяки». Рвать когти, одним словом. И чем дальше, тем лучше.

Вариантов, к счастью, было целых два, и я пытался спокойно взвесить каждый из них.

Можно махнуть в черт-те где лежащее, глухое и забытое властями лет десять на-зад село Шайтанкулово, в котором живет и трудится новый башкирский фермер, а мой школьный корешок Асхат. Надобно только иметь чуточку везения с электричками, попутками и постами милиции.

Можно сгнать на пасеке у дядьки Прохора. Для этого придется где-нибудь раздобыть надувную лодку, так как плавать через не больно-то узкие лесные речки голышом в октябре дано далеко не всем.

«Ну, ладно, – пошел я на компромисс. – Для начала главное – удрать из города, а там видно будет».

Трудное решение было принято, и я несколько расслабился.

Вот тут-то и выскользнули из ближайшего подъезда три недобрых молодца со знакомыми лицами. Пока я колесил по городу, пытаюсь не нарваться на дорожный патруль, мои недавние антагонисты выбрались, как видно, из банки и настучали на меня в «Булат». Судя по тому, что не в государственные органы, меня собирались или сильно уродовать, или убивать.

Вел террористическую группу мой постоянный спарринг-партнер Никитка, остроумно прозванный Кожемякой. Других бойцов я даже по прозвищам не знал. Видать специально набирали тех, кто со мной знаком лишь шапочно – за исключением Никитки. Ну, с ним все было понятно. Уязвленное самолюбие. Кожемяка слишком часто страдал от невозможности порвать мне шкуру в тренировочных и аттестационных схватках. Силы хватало, а ума... Решил, значит, поквитаться.

У всех троих в руках были милицейские дубинки, и ухо надо было держать вос-тро.

Мы закружились по скупому освещенному далеким фонарем двору. Я, как того требовала тактика, держался крайнего варнака, старательно уходя от остальных. Мстители за депутатскую честь тактике, видимо, не обучались, потому добросовестно бежали по выстраиваемой мною траектории. Она-то и завела двух безымянных героев за детскую избу на курьих ногах, оставив меня наедине с запыхавшимся Никитой. Пусть совсем ненадолго, но мне хватило и этого. Как одолеть Кожемяку, я отлично знал. И всего через мгновение от души вогнал отнятую дубинку в верхнюю треть его накачанного пресса. Дубинка оказалась гораздо тверже. Кожемяка завалился на пожухлую осеннюю травку и собачьи экскременты, безрезультатно хватая ртом холодный воздух. Минут десять на него можно было не обращать внимания.

Дальше дело пошло веселей. Я по мере сил отмахивался все той же дубинкой от супостатов, пытаюсь снова завести их на выгодный мне ландшафт.

Удача не повернулась ко мне спиной. В отличие от одного из нападавших. Он неловко ступил на обломок кирпича и, пытаясь не упасть, подставил под удар голову. Я зевать не стал, приложился от души. Жаль, перестарался. Кожемякова дубинка по не-понятной причине выскользнула из пальцев налимом. Я остался безоружным.

Последний вояка, играя в кинобоевик, отбросил благородно свой “анальгин” и пошел на меня пригнувшись и покачиваясь на полусогнутых ногах. Цену его благородству я понял, когда он филигранным движением выхватил, будто из воздуха, нож-бабочку, одновременно раскрывая его в боевое положение.

Я почти обрадовался. Паренек, конечно, забавлялся в жизни ножичком, это было заметно. Но меня-то обучал владению холодным оружием и приемам защиты против бойца, вооруженного ножом, капитан Пивоваров! Да и многолетняя практика забоя скота в родной кержацкой деревне, где мальчишки с десяти лет приобщаются к этому непростому ремеслу, тоже кое-чего стоила. Я подался вперед, на самый клинок, однако в последний момент, когда противник уже торжествовал победу, повернулся вполоборота, одновременно захватывая его руку...

Отнятым ножом я кровожадно «пописал» обе его кисти. На долгую память. После чего милосердно оглушил страдальца ударом кулака по темечку. Раны я оставил неглубокие, небось кровью не истечет. Зато будет в другой раз думать, прежде чем хвататься за острые железки с целью членовредительства.

Несмотря на блестящую викторию, триумфатором я себя не чувствовал. Да, драчка на время закончилась, но!... Что дальше?

Когда я подошел к общаговскому порогу, адреналин продолжал кипеть в молодецких жилах. Поэтому я без излишних раздумий врезал по корпусу вставшему у меня на пути статному дяденьке. Врезал, да не попал... Зато дяденька очень умело и болезненно скрутил меня как ягненка и оттащил за выступ высокого крылечка.

Захват был так изумительно хорош, что я совершенно расслабился, не желая сворачивать себе шею и ломать руку.

Дяденька, показав боевой опыт, на мою хитрую уловку не поддался, и давление наоборот усилил. А потом удивительно звучным и красивым голосом предложил мне успокоиться, заявив, что сам он «не с этими громилами». Я покорно пообещал в надежде на его честность и трофейную «бабочку» в рукаве.

– Филипп, – с неуловимым акцентом сказал он, отпуская меня и одновременно ломая крылышки отнятому стальному насекомому. – Я вижу, вы попали в очень неприятную ситуацию. Боюсь, что ваших бойцовских навыков надолго не хватит. Да и ни к чему они станут, когда за вас возьмутся не эти смешные любители, а специалисты из ОМОНа. Как вы думаете, Филипп?

Вопрос был риторическим.

Ответа я не знал, но, чтобы не оставлять слово за ним, заученно выдал:

– Иные, может, и зовут меня Филиппом, так это мои друзья и знакомые. Вы, дя-дя, мне не друг. Интересно, откуда вы вообще меня знаете? Я что-то не припомню, что-бы нас друг другу представляли. Поэтому, будьте добры, обращайтесь ко мне по имени-отчеству. Отчество мое Артамонович.

Мужик задумчиво дослушал до конца и спросил:

– Филипп Артамонович, можно, я все-таки стану звать вас как-нибудь попроще? Фил, например? Это ближе к моим речевым традициям и значительно короче...

Окинув его взглядом (речевые традиции, ишь ты!) и оценив разницу в возрасте, я нехотя согласился.

– Хорошо, пусть будет Фил.

– Замечательно! Я – Игорь Игоревич. Фил, вы не ответили на мой вопрос относительно ваших дальнейших планов. – Он вопросительно уставился на меня, совершенно не мигая.

Мне, конечно, хотелось узнать, почему, собственно, я должен ему каяться “относительно дальнейших планов”. И звать его, явно нерусского мена, Игорем Игоревичем. Но времени на пикировку, скорее всего, уже не оставалось.

Так что спросил я совсем о другом:

– А что вы предлагаете?

Нищему собраться – только подпоясаться.

Пока я кидал в спортивную сумку белье и прочую мелочь, Игорь Игоревич стоял у двери, бубня что-то в крошечный мобильник и немигающим взглядом вперившись в малость напуганного Димку – моего соседа по комнате. Димка старательно отводил от него глаза и шепотом выпрашивал меня, интересуясь «куда тебя понесло на ночь глядя с этим психом»?

Я признался честно:

– Димон, я свалил огромного дурака. За мной началась охота, и я сматываю удочки. Советую и тебе покинуть комнату. Отправляйся к своей Ксюше. Прямо сейчас и двигай. А то придут за мной, не найдут... Как думаешь, на ком захотят выместить злобу?

– На том, кто под руку подвернется, – сообразил Димка.

– Умничка, – похвалил я. – Не дай Бог, сломают тебе что-нибудь. Рёбра, к примеру. Ногу тоже могут. Или шею, типун мне на язык. – Я взялся за блокнот, наскоро набросал несколько строчек. – Вот тебе записочка, отправишь моим папе-маме. Да не вздумай проболтаться, куда я свалил на самом деле.

– А куда ты свалил на самом деле? – Димка начал поспешно натягивать «выходные» штаны с наглаженными стрелками. Любопытства, понятно, не утратил.

– В иностранный легион, Димуля!

Прозвучало мое признание так весомо, что парнище, скакавший на одной ноге, с другой, продетой в штанину, закачался и рухнул на кровать.

– Ты гонишь... – затыкнул недоверчивый сокамерник.

Я кивнул в направлении двери, на каменную глыбу Игоря Игоревича. Димка оценил выражение его морды и приумолк.

– Жди открытки с видами Африки. – Я покрутил в руках старенькие комнатные тапочки и с сожалением бросил под койку. – Будь здоров, Димка. Будь ты здоров, черт старый!

– И тебе того же!

Мы крепко обнялись. Забросив сумку за спину, я шагнул к дверям.

На улице нас уже ждал старенький микроавтобус «УАЗ». Сквозь облупившуюся серую краску проглядывали красные кресты. Да и окна, забранные матово-белым стеклом, не оставляли сомнения в том, что машина некогда принадлежала «Скорой помощи».

Игорь Игоревич забрался на место по соседству с водителем, радушно предложив мне весь остальной салон. Должно быть, потому что в нем было довольно прохладно и неудобно. Трубчатая конструкция на месте, где прежде располагалась кушетка для «лежачих» пациентов да пара обтянутых вытертым дерматином сидений по бокам – вот и вся роскошь, полагающаяся рейнджеру-новобранцу.

Каркас бывшей кушетки я отверг сходу и выбрал левый стульчик. На мой взгляд, он был чуть менее продавленным. Затем я постучал в окошечко, отделяющее салон от кабины. Обернувшись водителю изобразил этакого бравого машиниста паровоза, подергав с дурашливым

видом свисающие с потолка останки какой-то медицинской системы, и прокричав: «Ту-ту!» Я изо всех сил пытался убедить себя в собственной готовности к предстоящим африканским приключениям.

Получалось почему-то плохо...

«УАЗ» дернулся и покатил, рывками наращивая скорость. Водитель был никудышный, вроде меня, но машина вела себя на удивление хорошо, даром что древняя. Ни тебе скрежетания при переключении передач, ни бешеного рева дырявой выхлопной трубы.

Игорь Игоревич вставил в потрепанную автомагнитоу кассету и прибавил громкости. «По дороге разочарований снова, очарованный, пройду. Разум полон смутных ожиданий, сердце чует новую беду», – ворвался в кабину знакомый голос.

Знал он, что ли, Игорь Игоревич этот, мои музыкальные пристрастия?

– Сердце чует новую беду, – пробормотал я. Крайне символично.

Сквозь матовые боковые окна, как и сквозь заднее, не было видно вообще ничего. Пришлось тянуть шею, выглядывать в лобовое стекло. Мои попутчики-наниматели были люди плечистые, но кое-что увидеть все-таки удалось. Оказывается, мы уже выехали за город, вдобавок свернули на какой-то проселок. Вдоль дороги тянулись тоскливые заросли сухой полыни и чертополоха, освещаемыми «дальним» светом фар. Иногда промелькивали встречные машины. Однако вскоре и эта роскошь стала недоступна. Пошел снег, да такой густой, что казалось, будто я смотрю не на дорогу, а в экран черно-белого телевизора, потерявшего настройку. Полынь была значительно живописнее. Встречное движение тоже почти прекратилось.

Я устроился поудобнее (удивительно, но это мне вполне удалось) и задремал...

Проснулся оттого, что мы остановились. Или потому что выспался? Когда только успел?

В окошечки проникал яркий свет. Я взглянул на часы – и огорчился. Китайская штамповка, служившая мне верой и даже некоторой правдой на протяжении добрых семи лет, впервые меня подвела. Дисплей был мертвенно пуст. И это после того, как я всего месяц назад поставил новую батарейку, да не барахло какое-нибудь, а «Варту»!

С первой же рейнджерской полочки куплю себе хорошие часы.

Я приблизил губы к запястью и прорычал злобно в стекло:

– Ме-ха-нические!

Пока новых часов не было, и я прислушался к своему организму. Организм сигнализировал, что времени прошло уже достаточно много. Даже очень много – я чувствовал себя настолько бодро, словно проспал часов десять. Мочевой пузырь, кстати, извещал примерно о том же. Но не могли же мы за десять часов ни разу не остановиться? А я бы это сразу заметил и проснулся. Как, наверное, любой на моем месте – кроме, разве что, вдрызг пьяного.

И почему конечности мои не затекли и зад не отсижен?

Я снова постучал в окошечко, отделяющее салон от кабины. Доброхоты с той стороны задернули его плотненькой занавесочкой. Верно, чтобы не мешали моему богатырскому сну фары встречных транспортных средств.

Занавесочка отодвинулась, я обалдел.

Наш «УАЗ» стоял перед громадными, теряющимися за пределами обозримой области, воротами. Ворота были насыщенного зеленого цвета и почему-то казались слегка изогнутыми – как если бы были частью огромной полусферы. Кроме того, стояла самая настоящая ночь (это после десяти-то часов, прошедших в пути!), а свет, проникающий через матовые окошечки, принадлежал невидимым, но угадываемым осветительным приборам. Чрезвычайно мощным осветительным приборам.

Шофер, открывший мне глаза на мир, откинулся в своем анатомическом кресле и со вкусом потянулся, широко зевая. Притомился, значит, родимый.

Игорь Игоревич разговаривал через приоткрытую дверь с привратником.

Я прислушался, прислушался... ПРИСЛУШАЛСЯ – и ни черта не понял. Ничегошеньки!

«Заспанные» было сомнения вновь полезли наружу: язык был незнакомым. Ладно бы просто иностранным (я, в общем-то, даже и ждал, скажем, французского, хоть и не так рано); нет же – совершенно незнакомым! Предложения были совсем короткими, одно-два слова, не более, а затем – долгая-долгая пауза. Но не это главное. Само построение слов лишало меня малейшего шанса вспомнить что-либо подобное. Начиналось все с певучего гласного звука, тянувшегося куда-то в поднебесную высь, и вдруг резко обрывалось дробью рассыпанных по металлу хрустальных шариков, шаров и шаров. Шары скакали так долго, что не у всякого оперного Паваротти хватило бы дыхания вытянуть. А тут – на тебе: обычные мужички с улицы, разве что широкогрудые.

Привратник, впрочем, был очень хорош. Особенной, киношно-спецназовской статью: мышцы так и перли наружу, грозя разорвать облегающее трико того же цвета, что и ворота. На роже, и без того бандитской, красовался глубокий и страшноватый шрам, стягивающий левый глаз едва не до подбородка. Что там у него было на ногах, я не видел, а вот на бритой башке лихо сидел со вкусом и знанием заломленный берет ярко-малинового цвета без каких-либо знаков различия.

Тут мочевого пузыря меня доконал, и я бросился наружу, оставив прочее на потом.

Боковая дверь, через которую я влезал, оказалась на замке (и когда только успели запореть, на ходу, что ли?), ручки изнутри не было, и я бросился к задней. Благо-словляя внутренние запоры, которые всегда готовы выпустить человека в пик наружным, вывалился на дорогу и метнулся к колесу. Всякий знает, что в дороге по-другому нельзя – удачи не будет. Отведенное в подобной ситуации законами Мерфи & Podlosty время повозился с молнией и прочими заслонами, одолел наконец... и чуть было не за-был, зачем я собственно, тут пристроился.

Мне открылась последняя деталь, подводящая черту под картиной, начатой чудовищными воротами с их стражем и его непонятным языком.

Через весь обозримый небосвод сверкающей серебром дорогой струилось нечто.

Представьте Млечный Путь, сияющий в десятки раз ярче, нежели обычно. Моих зачаточных познаний в астрономии хватило только на то, чтобы сопоставить грандиозную серебряно-туманную полосу с кольцами Сатурна.

Удовлетворившись этим объяснением, я наконец-то расслабился...

ГЛАВА 2

*Мы закрыли глаза
И далекий придумали остров.
Мы придумали ветер и себе имена.*
Эдмунд Шклярский

Я неторопливо застегивал штаны и, глубоко дыша, для одоления волнения, та-ращился на разрезающие небо кольца. Кольца были красивы... Мало того: они были прекрасны! Слу-чись сюда угодить земному поэту из когорты романтиков, еще неиз-вестно, загоревал бы он об утраченной Луне, или нет.

В чувство меня привело увесистое похлопывание по плечу. Я моргнул и опустил глаза. Рядом возвышался привратник и дружелюбно улыбался. Его изуродованный глаз при этом чуточку подергивался.

– Что, боец, нравится наши декорации? – пробасил он. – Уверен, они много лучше тех, что приготовили тебе в родных краях обиженные «земляки» Аскерова.

Ишь ты, какой осведомленный! Впрочем, возразить было нечего. «Земляки» и впрямь могли поместить меня в такие декорации, что сливай воду.

Я натянуто улыбнулся и выдавил:

– Поживем – увидим.

Мне, несмотря на красоту и великолепие небес, было плохо. Тоскливо мне было. Я ждал совершенно иного и не был готов к такому повороту событий. Впору было трезво подумать о собственном психическом здоровье и месте, где я оказался.

Место вполне могло быть банальной «дуркой».

Первым делом я решил получше изучить «санитара».

Не могу сказать, что увиденное сильно меня обрадовало или хотя бы успокоило: могучий торс титанического атлета опирался на две металлические стойки, заменяю-щие ему – от середины бедра и ниже – ноги. Он даже не пытался их скрывать, вороне-ный костяк был при-крыт широкими шортами лишь в месте крепления к живой плоти. На поясе полутерминатора висело нечто, отдаленно напоминающее компактную ра-цию. На левом предплечье, с внутрен-ней стороны, непонятным образом закрепленный, притаился внушительного вида пистолет.

Устройство оружия было мне незнакомо, но в том, что это именно оружие, со-мневаться не приходилось. Иной разум пришел к идентичным земной конструкторской мысли выводам в отношении формы и дизайна средств уничтожения. Решающую роль в этом играла, скорее всего, телесная оболочка иносапиенсов, неотличимая от земной.

«Хр-р!» – захрипел я, прерывисто вздохнул, покачнулся и закатил глаза. На сей раз не для того, чтобы любоваться звездным небом, а чтобы симулировать сильнейший эпилептический припадок. Авось сжалятся пришельцы над неполноценным рекрутом, да и отправят от греха домой. На фоне громил с железными ногами Аскер вдруг пока-зался милым и приятным тол-стячком. Пусть несколько раздражительным, но своим же. Зачем только я с ним поссорился?

Чело привратника омрачилось. Видимо, сострадание было не чуждо этому пред-стави-телю милитаристских кругов иного мира, и неполадки в организме дикового рекрута больно поранили его душу. Точно так же рачительный хозяин ночей не спит над прихворнувшим поросеночком. Растимым, сами понимаете, для чего. Гигант кат-нул новую «горсть хрусталь-ных шаров» в направлении «УАЗа». Из машины поспешно вывалился Игорь Игоревич. В руке он сжимал блестящий инструмент, похожий на про-тивоестественный гибрид ветеринарного шприца и ручной дрели. Я тотчас сообразил, что перестарался с лицедейством, но было уже слишком поздно. Игорь Игоревич без всяких там экивоков засадил мне в руку жгучую, словно

концентрированная кислота, инъекцию какой-то гадости чертовски немалого объема. Прямо сквозь рукава косухи и свитера под нею.

Подложив под голову подушку от автомобильного сидения, пришельцы оставили меня в покое. Не боялись, видать, что я захлебнусь слюной или прикушу язык. А может, только того и ждали? Дела... Я тихонечко лежал и с интересом прислушивался к себе – скоро ли начнется трупное окоченение?

Окоченение наступать не спешило, и я успокоился. Поразительно быстро успокоился и уже через минуту сильно удивлялся своей недавней выходке.

«А чего ты, вообще-то, ждал?.. – спросил я себя. – Африканской саванны и охоты на львов? Никто тебе не обещал, что ты попадешь прямиком на сафари. Ах, тебе обещали иностранный легион вдали от родины? Ну, так получи инопланетный. Куда уж дальше! Возможно ли подобное толкование событий? Вполне. Отчего бы какой-нибудь внеземной расе не создать своего иностранного легиона? Чтобы в схватках за вселенское господство не марать руки, отмытые веками гуманизма до чистого розового цвета. Склонные к насилию рекруты из более отсталых и кровожадных племен – самый благодатный полуфабрикат для формирования наемной армии. Можно даже представить себя социологом с вот такой башкой и сформулировать некий общественный закон. Скажем: “Чем выше уровень развития цивилизации, тем больше она нуждается в наемниках для отправления низкогуманных, но необходимых для выживания социума, потребностей”. Вовсе, по-моему, неплохо».

Размышляя так, я попутно изучал окрестности и находил немало причин для своего дальнейшего изумления.

Предугаданная полусфера таковой и оказалась. Огромная, трудно представимого диаметра, она поднималась округлой монолитной стеной, загораживающей полнеба. К единственным в обозримой части воротам, вполне, кажется, герметично отделяющим содержимое от окружающего мира, вела светящаяся широкая дорога. На дороге стоял нелепый в этом контексте облезлый «УАЗ», отчего-то чрезвычайно мало похожий на средство межзвездного сообщения. Вокруг дороги, полусферы и горстки человекообразных расстилалась бескрайняя степь середины лета. С густой высокой травой, волнующейся от ветерка и таинственно, маняще отблескивающей в свете небесного дива.

Удовлетворенные тем, что внезапно одолевшая новобранца падучая с успехом побеждена, пришельцы (а вернее, хозяева) продолжили дружескую беседу. Она час-тенько прерывалась раскатами вполне человеческого смеха.

Не исключаю, что смеялись как раз надо мной.

Я встал, стряхнул налипший сор, подобрался к ним поближе и принялся разглядывать крепление оружия на корнеобразной ручище инопланетного калеки. Гигант скоро заметил мое любопытство и, широко улыбнувшись, продемонстрировал принцип действия. Процесс впечатлял: пистолет оказывался в руке практически мгновенно, так же мгновенно возвращаясь на место. Я восхищенно покивал головой, но не забыл напомнить себе, что старина Гаррисон придумал похожую оружейную систему лет сорок назад. А то и больше. И не запатентовал ее, оказывается, совершенно напрасно. Стрелбал бы сейчас галактические кредиты прямо лопатой и в ус не дул.

Новоявленный «медведь – липовые ноги» тем временем снял с пояса прибор, похожий на рацию, и потыкал в клавиши скрюченным толстым пальцем. Створки ворот мягко скользнули в стороны и вверх. Кусок сферы, скрывавшийся под ними, покрылся светящимся узором ядовито-желтого цвета с горчичными пятнами, начал таять, утончался до черной прозрачности и лопнул, как брюхо протухшего хариуса.

Эстетика прободения желудка. Бр-р! Силовые поля, ребята, штука, оказывается, мало аппетитная. Не зря, значит, входную мембрану спрятали за обычными дверьми.

Чтобы привратника не тошнило.

Игорь Игоревич предложил мне занять место в «УАЗе», я тяжело вздохнул и по-лез в тесные недра ободранного межгалактического крейсера. Автомобиль задержался, фыркнул, скакнул и неуверенно поехал, спотыкаясь на каждом метре.

Изнутри купол был прозрачным. «УАЗ» медленно катил по светящейся дороге к голубоватым огонькам, все яснее различимым вдали.

Я просунул голову в кабину и бодро поинтересовался, будут ли еще неожиданные сюрпризы. А главное, когда же мне растолкуют, наконец, что к чему. И, если уж на то пошло, любопытно было бы узнать вдобавок, где мы находимся.

Игорь Игоревич повернулся вполоборота и заметил, что язвительность моя безосновательна. Скажи он правду сразу, я, чего доброго, принял бы его за придурка и дела с ним иметь не стал бы. («Само собой!» – подумал я.) Сейчас же все на мази, мы – там, где надо, можно расслабиться, ибо жизнь продолжается. А как бы дело сложилось дома, на Земле, еще вилами по воде...

Закончив краткую речь, Игорь Игоревич глубокомысленно замолчал.

Водитель, похоже, вообще не знал простой человеческой речи или был нем. Или соблюдал субординацию.

Посему я вполне уяснил, что объяснения будут даны в том объеме и в то время, которые сочтет необходимым мое новое командование. Мне оставалось только грустно вздохнуть и повалиться на свое вытертое креслице.

Огоньки приблизились и оказались фонарями на столбах – точными копиями обычных городских фонарей. Они освещали два ряда небольших приземистых строений, которые я принял за казармы. Возле одного дома машина остановилась. Игорь Игоревич вылез первым. Я подхватил сумку и прыгнул на стриженую травку, отделяющую дорогу от широкого дощатого деревянного тротуара. Тротуар вызывал мое искреннее восхищение: таких уж лет десять и в деревнях-то не сыщешь.

Ведомый все так же глубокомысленно молчащим Игорем Игоревичем, я вошел в приют безродных и бездомных наемников.

Дневальных, дежурных и прочего обязательного для земной казармы служивого люда вроде «молодых», трудолюбиво «пидарасящих взлетку», не наблюдалось. На пушистом ковре, закрывшем весь пол тонущего в полумраке коридора, лежала лохматая собачонка. Беспородная, но чистенькая и ухоженная. Она подняла на нас мутный спро-сонья взгляд, лениво повиляла коротеньким хвостиком и заснула опять.

– Это Бобик, наш талисман, – сообщил наконец-то обретший страсть к общению Игорь Игоревич. – А это ваша комната. – Он распахнул передо мной одну из десятка однообразных дверей, выходящих в коридор. – Отдыхайте. Завтра получите все объяснения, униформу, аванс и возможность позвонить домой. До встречи!

На этом его коммуникативная страсть стремительно угасла.

Он повернулся и, завывая протяжно под нос что-то вроде колыбельной для дитя-людоеда, отбыл.

Я оглядел комнату. Ничего себе казарма, имеющая подобные апартаменты для каждого служивого! Из небольшой прихожей открывался вид на два отсека. Один не мог являться ничем иным, кроме спальни, ибо кровать в нем стояла прямо-таки вызывающе, маняще двухспальная. Другой был чем-то вроде кабинета. Книжки на полках и уютное с виду кресло перед невысоким столиком. Лампа под зеленым абажуром. Обалдеть! Еще в прихожей была узенькая дверка, ведущая, как оказалось, в совмещенный санузел.

Номерок, конечно, не королевский люкс, но жить можно. В общежитии комната была много хуже, и ее еще приходилось делить с Димкой. А он ужасно храпит во сне. И любит оглушительный «трэш-металл». И не любит производить уборку. Впрочем, Ксюша у него очень даже ничего...

Я расстегнул сумку, собираясь заняться размещением вещей... но ограничился тем, что достал «мыльно-брильные» принадлежности, и опустил пакет на тумбочку. Недавно славно выпавшийся в машине, я с удивлением почувствовал новые позывы к тому, чтобы, вспоминая армейский жаргон, «придавить на массу». Приняв сонливость за последствия успокоительного укола, я не стал ей противиться. Предки, кои мудры по определению, завещали нам, что утро всегда мудренее вечера, а тем более ночи.

Их мнение следовало уважить.

Проснулся я раненько. В просторное окно еще видны были побледневшие кольца, но густая чернота инопланетной ночи уже сменилась серенькой рассветной мутью.

На посвежевшую голову славно думалось, и я с удивлением начал вспоминать бурные события прошлого вечера. Что-то в них меня настораживало. Прежде я всегда считал себя выдержанным человеком, имел даже некоторое время прозвище «Флегма тормознутая» и теперь не мог понять: какого, извините, хрена меня потянуло на безрас-судные подвиги?

В душу начали мало-помалу закрадываться нехорошие подозрения. «Игорь Иго-ревич» знал, как меня зовут. Он знал, где и когда меня ждать. Он знал, что я здорово влип... Он знал такое, что знать мог лишь в одном случае – в случае, если все мои не-приятности были заранее продуманы и умело спровоцированы. И уж, наверное, лука-вые провокаторы осознавали, что жертва в конце концов обо всем догадается... Осозна-вали, но не придали тому никакого значения. Вот вам и права личности!

Я попробовал воспротивиться произволу, вскочил с кровати, но кровь не клоко-тала, и разум возмущенный не кипел. Обескураженный очевидной нелепостью собствен-ного поведения, я глубоко погрузился в самоанализ. И вскоре пришел к выводу, что крошечный аван-тюрист, дремлющий обычно где-то на задворках моего подсознания, очнулся от спячки и с радостным смехом потирает истосковавшиеся по бродяжеству ладошки.

«Э-эх, будьте вы прокляты, пришельцы подлые! Изучили вы меня действитель-но хорошо», – пробормотал я и отправился совершать утренний туалет.

Поплескавшись вволю, вытерся захваченным из дому полотенцем, совершив тем самым маленький акт мести «пришельцам». Ибо в ванной присутствовало махровое, белоснежное, пушистое и вообще роскошное, казенное. Перед большим зеркалом, вму-рованным в стену прихожей, принял атлетическую позу «двойной бицепс спереди», ос-калился в агрессивной улыбке. Отметил недостаточный объем икроножных мышц, но успокоился отчетливым релье-фом пресса. Прорычал: «Больше харизмы, мужчина!» и угрожающе выбросил напряженно сжатые «кошачьими лапами» кисти своему отраже-нию в лицо.

Отражение в ужасе отпрянуло.

Я демонически расхохотался и пошел одеваться.

Для задуманной прогулки натянул любимые «бермуды», вырезанные в свое вре-мя из армейских х/б бриджей. Бриджи, в количестве двух пар, я спер на военных сбо-рах, венчавших курс институтской военной подготовки, и до сих пор то хвалю себя за это, то презираю. В пару к шортам подобрал любимую же белую майку с провоцирую-щей алой надписью «DO IT!» и вышел в коридор.

Кудлатого талисмана Бобика нигде не было видно. Других живых существ тоже.

Я наугад поскребся в ближайшую дверь. В ответ из динамика, разинувшего над нею свою решетчатую пасть, послышался грозный рык. Был он схож с рыком саблезу-бого тигра в годы, когда сии хищники еще вольготно владели Землей и людей не вос-принимали иначе, чем как легкую, но калорийную пищу. Правда, здесь можно было уловить кое-что осмысленное:

– Я три дня на полигоне, все вопросы к Бородачу! Сколько можно повторять?

Рык был настолько знаком, что я даже вздрогнул от неожиданности. (Впрочем, это могло произойти от громкости и резкости звука.) Так умел рычать только один че-ловек на всем

белом свете. И человек этот был первым, кого бы я хотел видеть рядом с собой в любой сложной ситуации. И ему здесь было самое место, если я хоть что-нибудь знаю о нем. А я знаю о нем почти все, потому что человек этот – мой кровный (так уж получилось, во мне действительно бежит около литра его крови) брат. И друг. И... впрочем, не будем разводить сантименты.

Я распахнул дверь без колебаний, готовый к ответу перед местным законом за несанкционированное проникновение в частное жилище.

Последние сомнения исчезли, когда на прикроватной тумбочке обнаружилось черно-белое фото с мятыми уголками, но в деревянной рамке: два пограничника в выгоревшей форме стоят, обнявшись за плечи, на фоне бесконечных гор.

У меня в сумке лежало точно такое же.

Одним из солдат был я, а вторым он – обладатель рыка, бешеный (временами) бык, питерский армянин в четвертом поколении, Генрик Саркисян.

Игорь Игоревич застал меня на месте преступления, я колом торчал посреди комнаты с идиотской улыбкой во всю морду и фотографией в руках. Он одобрительно проворчал «вот и славно» и за ручку отвел меня в местный «красный уголок», небольшой овальный зал с удобными сиденьями и глубокой прямоугольной нишей в одной из стен.

Когда я уселся в предложенное кресло, лицом к нише, Игорь Игоревич остался стоять. Он сочувственно поинтересовался, удобно ли мне. Пришлось сознаться, что да, вполне. Удовлетворенный ответом, он затеял манипуляции с красивой плоской коробочкой. Коробочка была прилажена на конец тонкого блестящего уса, вертикально торчащего из пола. И мелодично попискивала.

Действия его незамедлительно принесли плоды. Свет стал заметно приглушенней (оконные стекла потемнели), в нише сгустилась тьма. Среди тьмы медленно разгорались звездочки, эстетично обрамляющие знакомое каждому ребенку изображение Земли. Моей родной Земли, безо всяких «наворотов» вроде пижонских колец.

Земля неторопливо вращалась.

– Это ваша планета, – констатировал очевидное Игорь Игоревич. – А сейчас приготовьтесь. Увидите ту, где мы находимся сейчас...

Вынырнувшая из-за планеты Луна вдруг вздрогнула и вспухла облаком разнокалиберных обломков. Спустя несколько мгновений Землю окружали бесформенные, но вполне предсказуемые, будущие кольца.

– Сколько нам осталось ждать? – Голос мой предательски дрогнул.

А чей бы не дрогнул? Разрушение спутника не останется без последствий для земной цивилизации, ежу понятно! Катастрофических последствий.

– Не знаю. Возможно, вечность. Эта реконструкция отражает событие, произошедшее около полутора миллионов лет назад в здешней планетной системе, а не в земной. По-видимому, в результате грандиозного эксперимента цивилизации, условно называемой нами Предтечи. Других следов Предтеч нами пока не обнаружено, но и эти весьма впечатляющи, не так ли?

Я пожал плечами. Почему сразу Предтечи? Автограф они свой оставили, что ли?

Игорь Игоревич понял мое недоверчивое молчание верно.

– Сомнений нет. Дело в том, что каждый обломок спутника – от самого микро-скопического до наибольшего – покрыт фантастически прочной светоотражающей пленкой. Слой амальгамы порядка нескольких молекул, но она практически не разрушаема.

– Зачем? – выдохнул я. – Покрыто – зачем?

– Полагаю, для красоты. Вы же видели, как сверкает! Впрочем, считается, что Предтечи были негуманоидной цивилизацией, поэтому ход их размышлений не поддается анализу. Ну, не стану более утомлять вас гипотезами, хоть и интересными, но мало относящимися к пред-

мету сегодняшнего разговора, – торопливо проговорил мой пре-дусмотрительный собеседник, заметив, что я наполняюсь неуместным любопытством. – Словом, Фил, мы не в мрачной глубине космоса, за многие десятки световых лет от вашей родины, а буквально рядышком.

– В параллельном измерении? – тут же проявил я поразившую меня самого до-гадливость.

– Можно сказать и так. В параллельном. А то и в последующем или предшествующем вашему. Смотря, откуда вести отсчет. С геометрией и топологией, сами понимаете, не все однозначно... Так что мы земляки в некотором роде, – сделал вывод Игорь Игоревич. – И даже, кажется, близкие родственники. Но наша цивилизация, назовем ее условно терранской, давно умеет совершать межпространственные переходы, – потопился он расставить надлежащие акценты.

Вероятно, ему хотелось избежать сиюминутного братства народов, к которому я, по его мнению, стал после вводной лекции склонен.

– Чем шкурно и пользуется, – не удержался съязвить я.

– Шкурно? – удивился Игорь Игоревич, – а... а, пожалуй, вы правы, Фил! Речь действительно идет, образно выражаясь, о нашей драгоценной шкуре. Ее, знаете ли, с недавнего времени появились желающие попортить. До некоторых пор мы тем только и занимались, что с романтически горящими глазами путешествовали по доступным... хм, параллельным планетам. Наслаждались нетронутой природой, такой похожей и такой разной. А ужасались почти единственно вашему, кровавому и жестокому миру. И знать мы не знали, и ведать не ведали, что откуда-то из невообразимо отдаленных пространств несется навстречу нам дикий и страшный разумный вал – голодный и поэтому непримиримый. К счастью, вставшая у нас на пути орда довольно слабо технически развита. Примерно на уровне раннего средневековья Земли или Терры. Но это с лихвой покрывается избыточной ее биологической массой и агрессивностью. Их миллиарды, и они оставляют после себя пустыню. Смотрите, Фил! – воскликнул он с надрывом, со-всем уж переигрывая. И без того в его словах ощущался избыток поэзии. Интересно, такую модель поведения в разговоре со мной ему посоветовал психолог или он по собственной инициативе лицедействует?

Между тем картина в нише замутилась, поплыла и сменилась. Перед нами лежала симпатичная полянка, окруженная со всех сторон пышной растительностью. Вдруг в зеленой стене раскрылся проход, прорезанный невидимым инструментом. В проход тут же выпрыгнуло занятное существо розовато-мраморной окраски. Существо, более всего похожее на крупного рака, присело на четырех ножках и навело на нас громоздкое металлическое устройство. Ясно, совершенно ясно было, что эта несуразная железяка – оружие: вроде пиццали с внушительным дисковым магазином. Пиццаль рявкнула, плюясь во все стороны огнем и дымом, а камера, снимавшая это безобразие, зашаталась, опрокидываясь, и уставилась треснувшим объективом в яркое небо. Мраморный стрелок навис над нею, потрясая оружием и клешнями, которыми вспорол давеча лианы. Он еще некоторое время бурно радовался точному выстрелу, а потом замер.

– Первые кадры, запечатлевшие нашего противника, – прокомментировал Игорь Игоревич. – Получены четыре года назад. Исследователь-орнитолог, снимавший на одной из самых отдаленных доступных планет интересное поведение полисемьи тамошних воробьев, погиб... Накопитель с записью нашел его напарник. Более везучий, на-верное – временно отлучался к пункту перехода, поэтому не пострадал. Он был скорее труслив, нежели любопытен, и мгновенно ушел, бросив научное оборудование, захватив лишь этот диск. Будь тогда на нашем месте земляне, с вашим обширным военным опытом и нюхом на потенциальную опасность, все сложилось бы, разумеется, совершенно иначе. Но на Терре больше восторженных и далеких от трезвого восприятия действительности оптимистов, чем реалистов. На встречу с «братьями по разуму» отправилась целая делегация. От нее не осталось и записи...

– И все-таки мобилизация проведена не была, – вклинился я со своей догадкой в трагическую, хоть и кратковременную, паузу.

– Не была, – с тяжелым вздохом согласился Игорь Игоревич. – Какая, к черту, мобилизация, ведь вооруженная вражда цивилизаций – глубоко аморальна и даже преступна!.. Парламентеры гибли пачками, а оборонительных действий, даже самых простых, не предпринималось. Тогда-то и вышли на арену много десятилетий, столетий даже осмеиваемые и презираемые терранским просвещенным обществом «псы войны» со своей готовностью к любым мерам. К мерам, негодным с точки зрения общества, но единственно верным в создавшейся ситуации.

– То есть вы, – сказал я.

– Мы. Мы создали сеть аванпостов. Надежно укрепленных военно-технических баз, расквартированных на планете, разумно близко примыкающей к миру первой встречи с противником. Базы организованы так, чтобы иметь возможность скорого доступа в заданные точки сопредельных пространств. Точки привязаны к выходам из меж-пространственных тоннелей, доступных «ракам». Мы создали агентурную сеть на Земле и обеспечили себя опытными и достаточно образованными наемными солдатами. (Я кивком поблагодарил за комплимент.) Мы даже взяли себе земные псевдонимы, забыв данные нам при рождении имени. Отрезая тем самым пути возвращения в наш беззубый Эдем – до победы... или до смерти. Нас было крайне мало, но мы были полны решимости остановить агрессора...

Я аж уши развесил. Такого замечательного плакатного слога мне не приходилось слышать никогда. Но попутно и призадумался. По речам Игоря Игоревича выходило, что до его прекрасной родины слаборазвитым розовым тварям еще топать да топать. Отчего же они вдруг агрессорами стали? Или загодя назначать врагов – это стиль всех «ястребов», независимо от происхождения?

Однако, вспомнив науку о чужом монастыре и его уставе, вслух высказывать свое сомнение пока не стал. Спросил только:

– А как же молодежь? В таких случаях самое первое дело вербовать в сторонники молодых да непоседливых. Гормоны – они ж великое подспорье в политике!

Игорь Игоревич расцвел, благородно не обратив внимания на дурно припахивающую подоплеку вопроса.

– Да, движение «Новая молодежь в защиту Отчизны» – главный наш корень в родной почве. Оно питает нас не только перспективными учеными и материальными средствами, но и свежим дыханием грядущего! Жаль только, что лишь малая часть активистов движения имеет мужество взять в руки оружие. Но Легион не теряет надежды... Мы, кажется, отвлеклись. – Игорь Игоревич снова сменил картинку. – Это недавняя съемка того места, которое вы видели только что.

Он даже поморщился, глядя на то, что я сперва принял за огромную, невыразительно отвратительную помойку.

– Да уж, воробы, наверное, никогда больше не смогут создать здесь не только полисемей, но даже ма-а-аленьких влюбленных парочек, – пробормотал я под нос, желая хоть чуть-чуть разрядить абсолютно переставшую нравиться атмосферу пропагандистского митинга.

Игорю Игоревичу мой комментарий, похоже, не пришелся по вкусу.

– Прекратите ерничать, – устало сказал он, – Ваши глупые шуточки неуместны перед лицом подлинной трагедии. Поймите, это не рекламный ролик Greenpeace и не фильм ужасов. Подумайте, что будет, если эти зверушки доберутся до вашей родины? В отличие от землян, они умеют совершать межпространственные переходы. Пусть только по немногим, имеющимся с основания вселенной каналам, но вы-то не умеете и этого! Прежде, чем сумеете разобраться, что к чему, и перекрыть «ракам» доступ, они натворят такого... Кстати, один из каналов открывается в неполном десятке километров от вашей, Фил, родной деревни. Именно

через него мы и привезли вас сюда. Спросите себя, готовы ли вы отдать свою четырехлетнюю племянницу в клешни полуразумных чудовищ?!

Я хлопал глазами и по-рыбьи разевал рот. Не дождавшись ответа на последний вопрос, Игорь Игоревич так же экспрессивно продолжал:

– Видели оружие в его руках? Исходя из самых завышенных оценок «рачьего» интеллекта, невозможно представить, что это – творение убогой цивилизации члени-стоногих. Догадываетесь, откуда оно может быть родом?.. Да, да, они уже встречались с более развитой, чем сами, культурой. Надолго ли она их задержала? Бог весть... Воз-можно, ее остатки еще тлеют последними угольками, производя для «раков» вооруже-ния. Вы, Фил, хотите, чтобы ваша мама сверлила стволы для их автоматов, расплачива-ясь трудом за жизнь детей и внуков и кусок хлеба?

– Вы хорошо изучили меня, но плохо мою маму, – угрюмо пробурчал я. – Она уж скорей в партизаны уйдет.

– Простите, я разволновался, – незамедлительно покаялся воинственный сын племени прекраснодушных романтиков. – По счастливому стечению обстоятельств, земному человечеству пока ничего не грозит. Земля, если так можно выразится, “при-крыта” нашим миром, куда мы врагов не допустим. Ни при каких обстоятельствах. Между прочим, – оживился он, – «совы совсем не то, чем кажутся!» И «раки» – отнюдь не раки, а довольно примитивно устроенные грызуны. Яйцекладущие, хоть и млекопи-тающие. Сейчас, сейчас... – Он резво забарабанил пальцами по клавишам. – Я вам по-кажу одного такого красавца поближе. Ага, вот!

Сменив мертвый мир, нашему вниманию предстал вскрытый яйцекладущий бобр, разбросавший по белому препараторскому столу многочисленные конечности.

– Кстати, в Легионе принято называть их онзанами. Научное название имеет тот же корень, но звучит труднопроизносимо даже для меня. Обратите внимание, Фил, как интересно и необычно двигалась эволюция этих существ. Костного скелета не сущест-вует, его заменяет сверхпрочная кутикула из хитина. В яйцеобразной груди, под при-крытием основной брони, сосредоточены все важнейшие органы: дыхания, кровообра-щения, кроветворения. В нее же утапливается нежная круглая голова, сидящая на гиб-кой гусеницеобразной шее. Внешнему миру подставляется лишь прочный купол ма-кушки, глаза на коротких стебельках да хлысто-образные «усы», являющиеся одновре-менно обонятельными и слуховыми органами. Потеря части «усов» организму не страшна. Регенерация происходит чрезвычайно быстро, причем даже самый малый ос-тавшийся обломок с успехом выполняет весь объем функций. Глаза тоже могут втяги-ваться в защитные углубления панциря и прикрываться твердыми, но вполне про-зрач-ными веками...

Он проворно метался возле голограммы вскрытой твари, влезая время от време-ни указующим перстом в самые глубины рачьей требухи. Очевидно, для пушей нагляд-ности. Я слу-шал не без интереса; что там – с огромным любопытством. Надо же, на-сколько занятная штука эволюция!

– По бокам корпуса – пара чрезвычайно мощных двуветвистых клешней, пред-назначен-ных для срезания и измельчения целлюлозы, основного элемента питания. Их можно сравнить с комбайном, объединяющим кусачки, миксер и наждачный круг. Процесс измельчения идет непрерывно.

Игорь Игоревич потер ладони, показывая, как именно идет процесс.

– Слабо ферментированная труха время от времени передается в рот. А вот зу-бов у онза-нов практически нет. За исключением разве что жесткой терки, покрываю-щей внутреннюю полость клешней. Но самое главное, самое невероятное!.. Руки. Руки, Фил! Короткие пятипа-лые ручки с противостоящим пальцем. Они могут быть спрятаны под прикрытием все тех же клешней, из одной пазухи с которыми выходят. Четыре но-ги крепятся в нижней части голо-вогруды, почти так же, как у земных насекомых. Име-ют сводчатые ступни и позволяют суще-

ству двигаться, располагая тело либо параллельно земле, либо под довольно крутым углом к ней, что используется для лучшего обзора. И пребыстро двигаться! Органы пищеварения находятся в толстом четырехсегментном абдомене – брюшке скорее пчелином, чем рачьем, – вместе со ртом, половыми органами и органами выделения отходов. Потеря абдомена хоть и смертельна для «ра-ка», но не приводит к мгновенной гибели. Наблюдались особи, жившие без него до двенадцати суток, почти без утраты основных реакций. Пищеварительный тракт – самая отсталая часть организма, с чрезвычайно низким КПД. Это и гонит онзанов на завоевание все новых и новых жизненных пространств, наполненных пищей. Это же, по-видимому, стало в древности причиной развития мозга. Когда перед видом возникла перспектива вымирания от недостатка питания, мозг заработал в полную силу. Сейчас-то они потребляют любую органику, используя предварительную искусственную ферментацию. Видели бы вы, дорогой Фил, их бродильные котлы – более мерзкого зрелища трудно себе даже представить! Имеется также речь, примитивная, но удивительно красивая и певучая. Ее органы, в виде множества тонких мускульных лепестков, находятся в глубине дыхательных отверстий и размещены в подмышечных впадинах. Поскольку отверстий два, а мускулатура лепестков достаточно нежна, голоса «раков» звучат просто божественно! Размножаются они катастрофическими темпами: при благоприятном пищевом фоне каждая самка после трехмесячной беременности откладывает от семи до десяти яиц. Новорожденные онзаны очаровательны: мягкие и пушистые – ну, чисто розовые котята-цыплята. Первыми твердеют клешни, и самка прекращает кормление молоком. Четыре года детеныши активно питаются, одновременно теряя игрушечную шерстку и приобретая прочнейший панцирь. До наступления половой зрелости из каждого помета доживает четыре-шесть особей. Это происходит в начале пятого года жизни; вес онзана к тому времени в среднем достигает восьмидесяти килограммов при длине тела около полутора метров. Продолжительность «рачьего» существования невелика, лет двадцать. Но сколько за двадцать лет каждый из них наплодит потомства? А сколько сожрёт органики, при низком-то усвоении ее питательной части?

Глаза Игоря Игоревича блестели, он казался попавшим в родную стихию, и не похоже было, чтобы собирался в ближайшие часы закругляться.

«Однако лекция затягивается», – подумал я. Любознательность любознательно-стью, однако мне вовсе не улыбалось провести еще час-другой, изучая на голодный желудок особенности строения внутренних органов яйцекладущих грызунов.

И я пошел на коварный выпад. Стоило Игорю Игоревичу примолкнуть на секундочку, переводя сбившееся от научного азарта дыхание, как я невинно поинтересовался:

– Игорь Игоревич, извините мое праздное любопытство, а кем вы были до войны?

Удар был силен и пришелся ниже пояса.

Игорь Игоревич поник и, опустив глаза, нервно забарабанил пальцами по краю пульта. Потом выхватил из внутреннего кармана початую сигару, прикурил, уставился на меня своим немигающим взглядом и сказал хрипло:

– Я был тем орнитологом, вторым.

ГЛАВА 3

*Рука, полная силы, может
сделать больше, чем целый
мешок, набитый правами.*

Макс Штирнер

Завтрак оказался замечательным: половина цыпленка-гриль, внушительная порция отварного риса, салат из свежих овощей и полулитровая кружка душистого земляничного йогурта. Сок, чудесный апельсиновый сок в запотевшем стеклянном кувшине без труда мог утолить жажду и у египетской мумии периода первой династии.

– Если вам хочется чего-то еще, скажите Клавочке, – посоветовал Игорь Игоревич Филиппу, когда тот, отдуваясь (перестарался-таки, пожадничал!), отвалился на вы-сокую спинку необычайно удобного стула.

Клавочка, приятная полная женщина с добрыми, как у многих поварих, глазами, улыбнулась Филиппу из-за чистенькой стойки. Приглашая продолжить трапезу, качну-ла кудрявой головой в кружевном крахмальном колпаке. Он, притворно изобразив ужас, замахал руками и закатил глаза: «Что вы, что вы, хозяйюшка, куда же еще-то?!»

Хозяйюшка, кажется, всерьез огорчилась отказом. Филипп почувствовал угрызения совести и ухватил румяное яблочко из глубокой соломенной корзинки, стоящей на столе. Захрум-кал, брызжа прохладным соком. Вкуснотища!

Игорь Игоревич безразлично поглощал капустный салат, один только капустный салат с зеленым луком и оливковым маслом, хоть и в совершенно потрясающих количествах. Запивал чистой водой.

«Вегетарианец, значит, или пост блюдет», – подумал с уважением Филипп. Сам он никогда бы так не смог. Точно. Проверено.

Он покрутил головой.

В небольшой столовой было пустовато. Пара вполне земных парней, того же примерно, что и Филипп, возраста, похожих, как близнецы и одетых в темно-зеленую униформу, попи-вала парящий напиток и с любопытством поглядывала в сторону но-вичка. Филипп кивнул им приветственно. Близнецы заулыбались в ответ, но подойти знакомиться не спешили. Игорь Игоревич, наверное, пугал не только Димку.

Вышеозначенный родитель ужаса прервал между тем на мгновение завтрак, из-влек из внутреннего кармана тоненькую стопку бумажных или похожих на таковые листов и подтолкнул к Филиппу.

– Простите, Фил, я чертовски проголодался и поем еще немного. А вы можете пока ознакомиться с контрактом. Если условия вас удовлетворяют, распишетесь. Вот пе-ро. – Он протянул охмуряемому рекруту солидно, очень солидно выглядящий «Пар-кер».

– Там кровь?! – прошептал Филипп восторженно.

– Нет, но если желаете... – Игорь Игоревич пожал плечами. – Во время медицин-ского обследования у вас возьмут немного. После проведения анализа попросим, меди-ки, думаю, уступят нам пару миллилитров. – Он наконец мигнул и расцвел вампирской улыбкой, глядя на ошарашенного Капралова.

– Обойдусь, чего уж там, – сказал тот и углубился в изучение контракта.

Контракт выглядел вполне приемлемо: ни тебе подводных камней, допускаю-щих разно-чтения, ни запутанно-многозначительных отступлений, склонных обернуться в самый непод-ходящий момент своей противоположностью. Нанимаемый обязуется выполнять приказы, наниматель – платить за выполнение. Срок службы – тысяча зем-ных суток. Отсчет начинается

с момента подписания. Оплата – двести пятьдесят тысяч евро. («Ого!» – подумал Филипп.) В случае гибели нанимаемого лица вся сумма, плюс двадцать процентов, переходят наследникам (указать наследников). В случае ранений, повлекших за собой ухудшение здоровья, срок контракта сокращается. Лечение – полное, всестороннее, включающее реабилитацию – производится за счет нанимателя. Проценты вознаграждения (сверх основной суммы) – уточняются. Контракт разрывается без компенсации в случае предательства, невыполнения приказа, дезертирства. По окончании контракта легионеру предоставляются любые документы и гражданство любой страны. Подписи, печати...

Все чин чинком.

«А ведь убивать придется, – подумал Филипп. – Хорошо, если только «раков». Готов ли ты к этому, Филипп Артамонович? Генка Саркисян не стал бы воевать за гнусное дело, это факт. Но вдруг он изменился? В жизни всякое случается. Хотя нет, наверное. Фотографию, вон, сохранил ведь... Давай, решайся, парень! Работа черна, за-то денежка бела!»

Он вздохнул поглубже... и расписался, запоздало соображая: «Ну, а откажись я, тогда что?.. Плазменный разряд в башку?»

Потолок не рухнул, а Игорь Игоревич не набросился на него с возмущенным: «Как смеешь сидеть, солдат, в присутствии офицера?!» Он меланхолично продолжал хрустеть витаминным своим овощем, лишь кивком головы продемонстрировав, что за-метил решительный шаг, совершенный Капраловым.

Ребятки за дальним столиком однообразно показали новоиспеченному легионеру в знак одобрения большие пальцы и неспешно удалились.

«Надеюсь, – подумал Филипп, – они не были подсадками, генерирующими в но-вичках заряд оптимизма...»

Игорь Игоревич выпил еще стакан воды, отделил один экземпляр контракта для Филиппа, собрал оставшиеся листы в аккуратную стопочку и убрал в бездонный внут-ренний карман.

– Можете задавать вопросы. – Он доверху наполнил стакан пузырящейся кри-стальной жидкостью из сифона и поднес к губам.

– А мамку на присягу пустят? – живо полюбопытствовал верный себе Филипп.

Игорь Игоревич от неожиданности поперхнулся водой и пораженно уставился на него.

Здоровенный детинушка, пышущий силой и обаянием, с густыми каштановыми волосами до плеч и очень юным лицом, с мягкой, но вполне мужественной линией подбородка, соболиными бровями, румянцем во всю щеку, смеющимися серыми глазами и серебряным кольцом в ухе, терпеливо ждал ответа на свой идиотский вопрос. Его плутовато-дурашливая непреходящая полуулыбка и манера певуче говорить слегка «окая» и употребляя не всегда верно ударения могли бы принадлежать деревенскому простачку. Как и огромные руки с узловатыми пальцами, короткими крепкими ногтями и жилистыми загорелыми предплечьями. Да вот только простачком Филипп как раз не был. Игорь Игоревич знал об этом превосходно. Лучше, чем кто бы то ни было.

Агенты, работавшие со сбором информации, давали характеристики скорее обратные...

Валов Вадим, 59 лет, начальник группы, ИНИИТП. «Филипп? “Кулаки пудовые, голова кудрявая, слава богу, что еще пока что не дырявая!” Песня. Он же и поет, час-тенько... Бабы его любят!.. Язык без костей. Да, болтун, я это и имел в виду. Нет, ин-женер он как раз неплохой. Что там, хороший, цепкий инженер».

Пивоваров Павел, 41 год, военный пенсионер. «Капралов – солдат от Бога. Чутье на опасность просто отменное. Выдержка. И стреляет... Глаз – ватерпас! И надежный. Но трепло-о... К этому я долго привыкнуть не мог. То хочется ему рот заткнуть, а то уши – себе. Поет еще здорово».

Савченко Никита, 24 года, охранник. «Капрал? Капрал – это черт! Никому не говорил, а вам скажу: он же меня в любом спарринге, как щенка, бьет! А я его на 30 ки-логграммов тяжелее, понятно?! Со мной Долото в спарринг идти опасается, у меня удар – центнер с лихуем! А он только ржет. И к Маре моей подкатывал, кобелина... Не-ет, я его все равно порву, пса!»

Надкорытов Дмитрий, 30 лет, инженер, сосед по общежитию. «Ха, супермен, везунчик. А с девчонками он, знаете как! И ведь ни одна на него не в обиде. Казанова!.. Я свою Ксюху с ним наедине ни за какие ковриги бы не оставил, хоть она меня и лю-бит. Почему? Говорю же, везунчик, особенно с женщинами. И поет, как Орфей. И мышцы, ого-го!»

Сафиуллина Анжелика, 28 лет, владелица тренажерного зала “FLEX-2000”. «Сложение превосходное, пропорции – находка, мускулатура сухая: ярко выраженный мезоморф. Силовая выносливость нечеловеческая. Не был бы ленив, стал бы чемпионом. По бодибилдингу, конечно! Ах, вас это интересует в последнюю очередь!.. Что же в первую? Понимаю. Да, мы были вместе. Недолго. О, Фил, – это нечто! Глаза его, во-лосы, голос, пластика... а красив! И, все-таки хорошо, что мы расстались. С ним было восхитительно, но – непосильно. Детства в нем много, что ли?.. Нет, не объяснить. И вообще, пойдите к черту с такими вопросами!»

Капралова Полина, 53 года, мать. «Чуть какая обида – в слезы; нюня в детстве был страшный! Но заметьте, только от обиды, от жалости; от боли или страха никогда. Теперь-то вырос, конечно, однако подозреваю, мягкость эта в нем осталась. А куда ей деться? Никто этого, конечно, не знает. Ну, ему и не к лицу слабость свою показывать. Еще бы: мышцы, медаль, ранение – мужик! Дрался мальчишкой часто, в драках тоже не ревел. Весь в синяках придет, губы разбиты – как оладьи, сам смеется. Везло ему все-гда, это точно. С девочками вот только нехорошо себя ведет. Знаете, какая его любимая частушка? “Я гуляю, как собака, только без ошейника. Не бросайтесь вы, девчата, под меня, мошенника!” Поет он здорово. И на баяне... Стреляет лучше меня, а я ведь мастер спорта по биатлону, до сих пор еще могу кое-что».

Капралов Артамон, 57 лет, отец. «Горжусь, а что? Он истинный Капралов, сильный, умный, красивый. Совсем как я, ха-ха-ха! Девочек зело любит... А девки – его! Работящий, но – в меру, в меру... Независимый, побеждать обожает, но не лидер, нет. В рыбалке ему везет все-гда, зато охоту недолюбливает. Зверушек ему жалко. Минусы его тоже семейные. Хвастун, высоты боится, если какое горе, “слезки на колесах”. Ну, да это мужику не зазорно. Богатыри вон, былинные, витязи разные тоже плакали час-тенько».

И еще десятки предельно откровенных характеристик, данных Капралову родственниками и знакомыми, впоследствии забытыми об этом, разумеется, напрочь. И сотни часов наблюдений и анализы, и тесты, и “прогонка” результатов через компьютер. И, наконец, вывод о пригодности кандидатуры Капралова. «Условно-положительный».

Условно...

«Не сваял ли я дурака, вербуя этого субчика в Легион?» – подумал вдруг Игорь Игоревич.

– На присягу? – хмуро переспросил он. – Что вы имеете в ви... а, вон оно что! Шутить изволите. Нет. Присяги не будет. Обойдемся контрактом. Вы же наемник, при-выкайте, – жестко проговорил он. Но, заметив, как опасливо подобрался Филипп в ответ на перемену тона, явил благодушную улыбку: – Что еще, мой любознательный друг? Валяйте, спрашивайте, я же вижу: у вас целый ворох “почему?” накопился.

Филипп молчал. «Мальчишка, – корил он себя, – поставили тебя на место, так тебе и надо. Контракт подписал, субординацию изволь соблюдать. Значит, шутки в сторону». Он сказал:

– Растолкуйте вы мне подходчивей, господин офицер, как все-таки выглядит наш мир в продвинутом терранском представлении? Если это не военная тайна, конечно.

– Да какая там тайна! – удивился Игорь Игоревич. – Барахло ваш «Мир», барахло и рухлядь, как вам только было не совестно людей на него посылать?

Он наслаждался мгновенным замешательством и растерянностью собеседника (ничья, один – один!) и продолжил:

– Ну, а если серьезно, то выглядит все примерно так... – он замялся. – На словах, понимаете, трудно, я не настолько хорошо владею русскоязычной научной терминологией... Фильм тоже не готов. Вы меня простите, Фил, если я предельно утрирую для наглядности?

Филипп поспешно закивал.

Игорь Игоревич выхватил сигару, но не раскурил, а принялся ловко, точно фокусник, крутить между пальцами. Сигара мелькала, рисуя замкнутую и перекрученную линию: указательный – средний, средний – безымянный, безымянный – мизинец. Назад. В стакане с недопитой водой лопались пузырьки. Клаvoyчка с точностью автомата рубила широким сверкающим ножом салат. Посерьезневший Филипп сосредоточенно ожидал раскрытия секретов природы.

– Оставим пока в стороне сложные структуры мироздания, такие, как “вертикальные кальки” или совсем уж экзотические э-э-э... “эйдетические сингулярности” и не будем покидать плоскости планетарной эклиптики с ее трехмерным пространством и преимущественно однонаправленным временем, хорошо? – спросил Игорь Игоревич.

Филипп кивком подтвердил, что да, хорошо, и сказал:

– Эйдетические сингулярности – это круто! Пусть непонятно, зато круто. Это, Игорь Игоревич, впечатляет! Спишите потом слова на бумажку, а? Буду перед девушками эрудицией щеголять.

– Да будет вам, – смутился Игорь Игоревич; даже сигару выронил. – Это же чистой воды катахреза, если разобраться. Я ее ради красного словца, знаете ли... – признался он. – Не бойтесь, что найдутся образованные девушки, которые над вами потешаться за нее будут?

– Во-во, «катахрезу» тоже напишите, – сказал Филипп, поднимая сигару с пола и подавая собеседнику. – А с девушками я уж как-нибудь разберусь.

– Ладно. – Игорь Игоревич снова посерьезнел. – Итак, наличие множественности последовательных (или параллельных, если хотите) миров примем, как данность. Обитатели всякого мира, если он обитаем, локализованы в потоке планетарного времени и о соседних пространствах чаще всего не подозревают.

Игорь Игоревич говорил монотонно, без выражения. Было заметно, что ему скучновато рассказывать прописные истины человеку любопытному, но не подготовленному к полноценному их восприятию.

– Причем отдельные миры-планеты – домены не только соприкасаются, но и пересекаются, взаимопроникают, а возможно, и вообще «занимают одно и то же место». Разделены они... ну, скажем, пространственно-временными сдвигами. Так будет почти верно. Границы между доменами чрезвычайно тонки и проницаемы, в чем вы уже имели счастье убедиться... Вдобавок плоть мироздания полна всевозможных образований: каверн, вздутый, лакун. Пронизана прихотливо переплетающимися тоннелями, соединяющими подчас весьма удаленные друг от друга домены. Часть этих образований и есть пресловутые каналы, связывающие миры. А также торный путь онзанов... Так вот, органы чувств земного человека не способны замечать межпространственных каналов вовсе. Органы чувств онзанов замечают лишь самые крупные каналы, соединяющие малую часть миров. Мы же умеем находить проходы между большинством соседних, разделенных буквально микроскопическими сдвигами. В чем, признаюсь, главная заслуга замечательных приборов, первые модели которых относятся еще к позапрошлому веку Терры. И не только находить, но и пробивать, ежели такая нужда появляется.

Игорь Игоревич зажег спичку и в подтверждение своих слов ткнул ею в ломтик сыра. Затем, от той же спички, прикурил. Дыра в результате “пробоя” получилась весьма впечатляющая, с оплавленными и закопченными краями.

– Дым столбом, – похвалил Филипп. – “Зеленые” Терры, должно быть, в панике?

– Как обычно, – сказал Игорь Игоревич, пожав монументальным плечом. – Как и везде... Но не будем о грустном. “Дыма”, то бишь, возмущений – минимум, – заверил он, пуская красивые голубые кольца. – Функция, выражающая количество и порядок флуктуаций, при разумно малых значениях квазиплощади сечения канала, стремится к нулю. Главная проблема, конечно, энергия. Энергия. Всегда ее не хватает, а уходит – уйма. Выход? Стараемся не тратить попусту имеющиеся запасы и пользуемся пробоем только в экстренных случаях. Вас, вероятно, интересует источник? Ничего экзотиче-ского. Мирный атом, дорогой Фил, грандиозная сила, если использовать с умом. Вам не мешает то, что я курю? – озаботился он внезапно.

– Мешает, – с некоторым вызовом сказал Филипп.

– Так я и думал, – печально сказал Игорь Игоревич и выпустил целую вереницу дымных колец, одно крупнее другого. – Мне, право, неловко. Отвратительная привычка и крайне вредная. Но чертовски приятная, поверьте. Ни за что не брошу! – Он словно продолжал привычный спор с кем-то. – Нет, ни за что... Простите, я отвлекся. Первая наша встреча с онзанами произошла в домене +162. Число обозначает количество стан-дартных межпространственных переходов от нулевой точки.

– Очевидно, от Терры? – предположил Филипп.

– Верно. Сейчас они захватили четыре домена и докатились до рубежа +158. Ба-за, где мы с вами сейчас находимся, располагается на плюс сто пятьдесят шестом. На-деюсь и верю, что дальше онзаны не пройдут.

– Но пасаран! – с пылом поддержал его Филипп.

– Именно но и именно пасаран, – легко согласился Игорь Игоревич. – Самое любопытное, а для нас крайне удачное, то, что онзаны движутся с обескураживающей прямолинейностью. Точно машины. Поступательно, по прямой, не пытаюсь совершать обходов или хитрить как-нибудь еще. Хотя возможности такие у них, в общем, сущест-вуют. Есть подозрение, их что-то или кто-то ограничивает. А возможно, даже искус-ственно и весьма искусно направляет.

– Кукловоды, типа? По-моему, отдает паранойей, – заметил Филипп.

– Отдавало бы, если б не одно но. Дело в том, что передвижения между домена-ми ограничены и для Терры. В нескольких переходах за Землей, которая в свою оче-редь имеет номер минус восемь, все каналы кем-то закупорены. Пробой границы не-возможен, попытки приводят к необратимым поломкам оборудования. Во всяком слу-чае, попытки на сегодняш-нем уровне энерговооруженности Терры. Простите, Легиона. Терру этот район, называемый «Зоной недоступности», не интересует совершенно. Мы же думаем, что его сооружение – дело рук цивилизации. Вполне возможно, сверхциви-лизации. Выяснить точно пока не представля-ется возможным.

– Пусть так, – сказал Филипп. – Оставим небожителей. Вернемся к титанам. За-чем вам нужна тривиальная пехота из земных солдат? Не оператором же тактического, а тем более, стратегического своего супероружия вы меня сделаете? И почему бы вам не решить все про-блемы именно с его помощью? Хлоп ядерный заряд – и блюдо гото-во: “раки, запеченные в собственном панцире”!

– Никто нам не позволит швыряться ядерными бомбами. И в первую очередь, мы не позволим этого себе сами! – воскликнул Игорь Игоревич, живописно погрозив Филиппу сига-рой. – В каждом из терран с рождения живет императив гуманности! И второе, радиоак-тивная пустыня взамен гниющей помойки? Кому это надо? Во всяком случае, не нам. Мы лишь «выдавливаем» противника назад с помощью несколько мо-дернизированных перфورا-торов, аппаратов, формирующих штольни – рукотворные ка-налы между мирами. Цель наем-ной пехоты – так называемая зачистка. Вас, дружище, наняли добивать одиночек, разбросан-ных флуктуациями, создающимися при действии перфоратора. Добивать в исходном мире, том, из которого их выбили. И в нескольких прилежащих, куда их может закинуть искривле-нием метрики пространства.

«Минуту назад флуктуации вроде как стремились к нулю», – напомнил себе Филипп.

– Добывать... – протянул он. – Не жестковато ли, для носителей-то императива гуманности?

– Не вам нас судить! – вспыхнул вдруг Игорь Игоревич. – Отчего человечество без тени сомнения уничтожает саранчу, колорадских жуков, черт-те кого, сотни видов так называемых «вредителей»? Сорную траву с поля вон! Безмозглые насекомые даже не догадываются, что мешают вам. Крысы и волки, возможно, подозревают о чем-то подобном, прячутся, убегают, но и это не спасает их. У них отсутствует разум? Довод небесспорный. Кроме того, имеются жертвы и среди вполне разумных, более того, еди-ноутробных братьев! Американские индейцы стояли на пути европейских первопоселенцев. Они были хозяевами, но пришельцы были сильнее. Где сейчас остатки гордых краснокожих людей? Спиваются в резервациях. Человек всегда уничтожал тех, кто претендует хотя бы на часть его будущего, хотя бы на мизерную часть благополучия его детей! Запомните Фил, это верно и для вас: космические войны в любой форме – неизбежны, ибо звездные расы вынуждены будут заступать друг другу дорогу. Особо-енно, если они будут идентичны биологически. Когда перед вами встает вопрос: жизнь вашего ребенка или жизнь пришельца, любого пришельца, вы выберете всегда только одно. Иначе и быть не может! Закон сохранения популяции, инстинкт самосохранения – назовите, как хотите, только помните: это не дано перешагнуть никому. «А как же самоубийцы?» – говорите вы? (Филипп не говорил ничего, смятый ураганным напором терранина.) Но на суицид идут уставшие от жизни люди, а таких не было, нет, и не будет на передовой освоения новых пространств. Там всегда герои. Только герои! И они нажмут на спусковой крючок, когда встречный разум заявит о своем праве на будущее – вопреки праву на будущее их детей. Даже если это «вопреки» будет только в их головах. Помните, Фил, вы цинично шутили о печальной участи воробыиных поли-семей? Стоило мне намекнуть, что ваши племянница и мать могут разделить их судьбу, как вам стало не до шуток... Великие гуманисты ошибались. Мира без войн не будет никогда. Тот, кто первый положит оружие – погибнет. Или, если сумеет отгородиться от прочей вселенной, утопит себя и своих потомков в трясине мешанства. Что сейчас и происходит с терранским обществом. Когда у нас вывалились зубы, мозги впали в спячку. Сотни лет мы топчемся на месте, перетирая уже разжеванную до потери вкуса кашу. Никаких гениальных прозрений. Никаких гениальных произведений искусства. Никаких ярких личностей. Подлинная красота заменена приторно-слащавой красотой. Война всех против каждого кончилась, но на поле прошедшего сражения – только смердящие трупы. Некому идти вперед... Интенданты, дезертиры, да тяжелораненые – вот те, кто остался. Раненые – это мы, «псы войны», и мы умираем. Интенданты... дезертиры... они считают, что смогут договориться с любым, что обладают таким даром. Да, им по силам купить мир, но лишь у себе подобных. Онзаны не подобны им, это жадные дикари и они выжгут, вытопчут на своем пути все, что не смогут сунуть в заплечную сумку или сожрать! Их не интересуют наши ценности, они до них еще не доросли, они их даже не видят! Или не желают видеть. Что им ценности культуры? Само человечество – человечество, как таковое, как биологический вид – ничто для них! Доказательства? Сколько угодно! Только зачем вам отвлеченные сведения из терранской истории, пусть и новейшей? Хотите еще один пример из земной? Может быть, вы читали Алексиса де Токвиля, Фил?

Филипп кивнул.

– Было дело, баловался. «Демократия в Америке» довольно модная вещь в студенческих кругах.

– Вот и превосходно! Вспомните, что Токвиль писал об американских индейцах: «Они не просто не хотят приспособляться к нашим нравам, но дорожат своей дикостью как отличительным знаком своей расы и отталкивают цивилизацию не столько из ненависти к ней, сколько из страха стать похожими на европейцев». И это те же люди, одна плоть и кровь! Что

говорить о онзанах... Да, древний Рим и древний Китай ассимилировали в себя кочевников. И древняя Русь, собственно тоже. Но в нашем-то случае ассимиляция невозможна принципиально! И поэтому мы не собираемся торго-ваться. В конце концов, мы правы, потому что право на самозащиту – священное право всякого живого организма или сообщества! В этом смысл нашей жизни и борьбы, это клятва на знамени Легиона! Она жестока, но она справедлива, Фил, и мы не отступим от нее, пока не победим или не погибнем!

Он замолчал. Филипп выждал некоторое время и осторожно заметил:

– У вас превосходная память на цитаты. Что же касается тезисов... Только не обижайтесь. Эмоционально и крайне сумбурно. И очень похоже на прокламацию.

– По большей части это и есть прокламация. Я участвовал в ее написании, – сказал Игорь Игоревич и, отложив сигару, спокойно продолжил жевать свою капусту. – Можете пока позвонить домой. – Он протянул Капралову небольшой мобильник скромного дизайна. – Код межгорода не нужен. – Он улыбнулся. – Только номер аба-нента.

Филипп набрал пять знакомых цифр.

В трубке мелодично забулькало, и раздался нежный детский голосок:

– Говорите. Вас внимательно слушают!.. – Племяшка была как всегда предельно серьезна.

– Машенька, дитятко, будь любезна, позови бабулю. – Филипп почувствовал, что помимо воли расплывается в умильной улыбке.

– Ой, дядюшка Филя! А бабули нет, она Жданку доит. Деда дровишки колет, а мама с папой в баньку ушли, – уточнила девочка свое главенствующее в доме без взрослых положение.

– Тогда позови деду, – попросил Филипп, решив, что дровишки подождут, а Жданка – едва ли.

Пока племяшка бегала выполнять поручение любимого дядюшки, Филипп гнев-но шипел. «Ну и зятек у нас! Старый немощный тесть машет колуном, а он в это время парит свою Оленьку... Прелюбодей ненасытный!»

Потом до него дошло, что помимо зятя-прелюбодея у немощного старичка, вя-жущего и сегодня гвозди морскими узлами, имеется еще сын-лоботряс, в двадцать пять лет никак еще не наигравшийся в «войнушку». А зять, слава тебе, Господи, водит Оль-ку через день, да каждый день в баню не в силу супружеской обязанности, а от великой любви. Зря, что ли, Машенька вышла такой умницей да красавицей?

Наконец в трубке послышались звуки хлопнувшей двери и торопливых шагов. Запыхав-шийся немного отец спросил радостно:

– Филька, ты, что ли? Здорово! Чо ты там наделал?

– Ничего. – Удивление далось Филиппу относительно легко.

– Какого тогда лешего участковый у нас с самого утра толкётся? Говорит, ты де-путата чуть не убил. И телохранителей его, едва не до десятка, изуродовал. Врет он, что ли? Как дело-то было?

– Ах, вот ты о чем, – «сообразил» Филипп. – Знаешь, батя, меня институт по об-мену опытом на три года в Италию направил, на фирму «Марчегалья». Как лучшего молодого спе-циалиста. Ну, я в ночь перед отъездом и не удержался, дал пару раз в рыло одному гудозвону. Откуда мне было знать, что он депутат? И что те бугаи, которые во-круг крутились, его тело-хранители? Полезли – получили. Все по твоей науке!

Батя хмыкнул с сомнением.

– Ну, ладно. А тебя из Италии-то твоей прямиком в каталажку не увезут?

– Руки коротки! Депутат этот сам под статьей ходит. Куда ему за границу со-ваться. – Филипп почувствовал, что начинает терять почву под ногами, и резко сменил тему. – Слушай, отец! Я аванс скоро получу, переведу на Ольгин счет в банке, она зна-ет. Пускай не все на тряпки тратит, половина ваша.

Он хотел сказать еще о многом, но батя буркнул: «Опять участковый прётся, по-звони потом, если сможешь», – и положил трубку.

Филиппу стало грустно. Тысяча дней, это ж почти три года! Машка уже в школу пойдет...

Игорь Игоревич тактично кашлянул.

«Дипломат! – вспыхнул Филипп. – Носитель гуманности! Подставлять мою буйную головушку под гнев сильных мира нашего – это ли не вершина человеколюбия и нравственности?»

– Можете перевести аванс на счет моего банка? – не слишком дружелюбно спросил он вероломного работодателя. – Сколько там?

– Переведем, куда скажете. Только... Большинство наших новичков часть денег используют для приобретения всяких мелочей. Личного оружия, например. Может, и вы желаете?

Филипп встрепнулся.

– И вы позволяете носить это оружие при себе?

– В пределах базы только в тире да на полигоне. Ну а на заданиях – само собой!

«Велик ли аванс? – судорожно начал соображать Капралов. – Хватит ли на то, что я действительно желал бы купить?»

– Аванс десять тысяч, – успокоил его проницательный змей-искуситель. – Дик-туйте, я запишу. Или вам нужно время, чтобы подумать?

– Нет! – быстро выпалил Филипп. – Пишите: «Универсальный боевой нож» фирмы «Рэн-дол» или аналог. Автоматический пистолет USP фирмы «Хеклер и Кох» – двенадцатизарядный, сорок пятого калибра. Плюс три магазина и тысячу штук патронов. И – гулять, так гулять! – семь пар шелковых «боксеров» серо-жемчужного цвета от Кельвина Кляйна! Сорок восьмого размера. Да, еще хорошие механические часы и флакон «Богарта», – спохватился он, – мой почти опустел.

– Часы вам здесь выдадут... «Боксеры» – это что? – поинтересовался закончивший писать Игорь Игоревич.

– Трусы, – сказал Филипп, – знаете, с шириной, такие...

– А, – усмехнулся Игорь Игоревич, – с шириной! Это, конечно, здорово! Вообще-то мы полностью обеспечиваем легионеров нательным бельем. Хоть, конечно, и не шелковым. Оружием тоже обеспечиваем, но почему-то все считают своим долгом обзавестись дополнительным. Даже меня заразили. – Он вытащил из-за пазухи девятимиллиметровую красотку «Беретта Кугуар». – Как мне взбрело в голову обзавестись этой штукой, до сих пор не понимаю. Я же в боевых действиях практически не участвую.

– Право на владение оружием – священное право всякого мужчины, – столь любимым Игорем Игоревичем лозунговым стилем заявил Филипп. – А почему у вас не такой пистолет, как у того дядьки со шрамом и протезами?

– Слишком велик и тяжел. Да и нельзя мне с таким на Землю являться. Понимаете, почему?

– Вестимо. Кстати, о Земле, – оживился Филипп, – не подскажете, где это в окрестностях моей Петуховки из мира в мир шмыгнуть можно? И часто ли открыта волшебная дверца?

– Кажется, у местных жителей это место называется «Крутеньким ложком», – сообщил Игорь Игоревич. – А канал, как и все естественные, открывается и закрывается время от времени. Причем без сколько-нибудь научно выводимой систематичности. Между прочим, открытие канала сопровождается сильнейшим инфразвуковым ударом. Да и последующий звуковой фон не настраивает на прогулки поблизости. Так что «волшебная дверца» умеет держать любопытных на расстоянии.

– Понятно... – протянул Филипп. – Действительно, где и быть межпространственному каналу, как не в Крутеньком? Самый нехороший лог из всего набора поганых.

...Так уж исторически сложилось, что бесчисленные поколения юных петуховцев таскаются в Крутенький ложок испытывать собственную отвагу. Некоторым везет – они ничего там

не видят. Ходят потом, понятно, гоголем. Филиппу, например, в свое время повезло. Ходил. Гоголем. Другим не везет – они что-то видят. И чувствуют. Что? Да ничего, говорят, особенного. Клочок тумана на дне, фигуры какие-то колеблющиеся... И до кончиков пальцев на ногах пробирающее ощущение жути и желание немедленно бежать. Бежать, чтобы больше никогда не возвращаться. А смелость испытать, говорят они, можно ведь и в другой раз. И где-нибудь в другом месте. На полночном кладбище, например.

И еще с логом этим связана одна правдивая история. И надо сказать, что, принимая во внимание наличие «волшебной дверцы», выглядит она не такой уж фантастичной.

Дело было в тридцатые годы. Три брата-акробата (а может, гимнаста) по фамилии Теплых (пламенные комсомольцы, ворошиловские стрелки, осоавиахимовцы и т. д. и т. п.), решили, как последовательные материалисты-безбожники, раз и навсегда развенчать «поповские сказки» об ужасах Крутенького. Снарядили они для того научную экспедицию в «плохое» место, сзывали желающих да к счастью не нашли. Плюнули героические пролетарии на трусливых земляков и отправились одни, распевая Интер-национал и неся на палке приговоренное к сожжению в глубине пресловутого лога чу-чело мироеда-пузана. Или попа-мракобеса. Ночью отправились, разумеется. И сгинули в Крутеньком без следа. Многодневные поиски результата не дали. Пришлось по то-гдашней традиции свалить всю вину на волков и врагов народа. Неизвестно, как с врагами, а волков в тот год действительно было очень много. Постреляли их под горячую руку без счета... Врагов, кстати, постреляли не меньше. Так-то вот.

Понятен и выбор средства доставки к входу в канал. «УАЗ» ведь не только мало-заметен, он еще и проходимостью отличается просто исключительной, куда там до него многим крутым внедорожникам! А в задний салон очень легко подпустить толику газку дурманящего, и – вперед! Без страха перед автоинспекцией и упреков от прикорнувшего пассажира. Ловко!

– Послушайте, Игорь Игоревич, – сказал Филипп. – Может, напрасно вы мне столько разных разностей рассказали? Вдруг я, когда закончится контракт, захочу эти-ми знаниями неприемлемо для Легиона воспользоваться? Разболтаю о нем, например, компетентным органам. Им-то положено к сумасшедшим прислушиваться. Или среди легионеров выживают немногие? Или... – напрягся он, – никто?!

– А почему вы думаете, Фил, что, вернувшись домой, не станете вспоминать эти три года именно как служебную командировку на фирму «Марчегалья»? – спросил Игорь Игоревич невинно.

ГЛАВА 4

*Я был здоров, здоров как бык,
Здоров как два быка, —
Любому встречному в час пик
Я мог намять бока.*

Владимир Высоцкий

Полусфера силового поля, покрывающего базу, оказалась не настолько велика, как почудилось мне ночью, с перепуга. Метров четыреста в диаметре, может, меньше. Прозрачная, зеленоватая, блики гуляют, тоже зеленоватые. По всему ее периметру, через равные промежутки, торчали высокие черные кочки, похожие формой на суточные грибы-боровики – штук с дюжину. «Станции натяжения поля», – пояснил Игорь Игоревич.

Территория базы была сплошь засажена кустарником – сирень, черемуха, вишня, можжевельник. Кусты низкие, аккуратно подстриженные. Травка жемчужная, тоже подстриженная. Тишина, моторы боевых машин не режут. Птички свистят. Ветра нет, тепло. Зеленоватое – сквозь поле – солнце не слепит глаз.

Мы направлялись к отдельно стоящему строению, немного менее приземистому, чем прочие. У него имелся второй этаж, мансарда и пристрой в виде внушительного, метров десяти в диаметре и десяти-пятнадцати в высоту стеклянного фужера, перевернутого граненой ножкой вверх.

Тоже, небось, какая-нибудь станция, решил я.

– Это офицерский корпус, – сказал Игорь Игоревич, когда мы подошли к дому с мансардой. – В нем вы пройдете своеобразную призывную медкомиссию.

– Что же там у меня будут своеобразно исследовать? – забько поежившись, поинтересовался я. Ненавижу медкомиссии.

– Практически все, физиологию, антропологию, ритмы мозга...

– Странно, – удивился я. – Почему сейчас? Лошадь позади телеги. Контракт-то уже подписан. А вдруг я окажусь негоден?

– По моим сведениям, вы вполне здоровы. А если и обнаружатся какие-либо мелкие неполадки, наши лекари быстро и надежно избавят вас от них.

– Безболезненно, надеюсь? – спросил я, не на шутку обеспокоившись. Быстро и надежно у лекарей получается только зубы выдирать.

– Вполне! – уверил Игорь Игоревич.

Не сказал бы, что офицеры жили более комфортно, чем рядовой состав. Те же ковровые дорожки на полу, те же деревянные панели на стенах, тот же слабый аромат цветов и свежести.

Медицинская часть располагалась на втором этаже.

Белоснежный холл приютил очень молодую и симпатичную девчушку-блондиночку в очень коротеньком белоснежном халате, открывающем очень стройные и загорелые ножки. Заливисто смеясь, девушка ползала по полу на коленях и играла с нашим старым знакомым Бобиком, абсолютно, по-моему, септическим.

– Осторожнее, ради бога! – взмолился я. – У него могут быть блохи! Куда смотрит руководство? – обратился я уже к Игорю Игоревичу. – Девушка обязательно должна пройти курс техники безопасности при общении с земными собаками! По счастливой случайности вы имеете первоклассного кинолога в моем лице. Рад буду предложить свои услуги!

Девушка поднялась с колен и звонко спросила:

– Это и есть вновь прибывший? Как вас зовут, мсье кинолог?

– Для вас, мадемуазель, Филиппом! – Я склонил голову, стараясь, чтобы велико-лепные мои волосы рассыпались вокруг нее наиболее выгодно и стильно.

Кажется, это мне вполне удалось, потому что девушка отреагировала восхищен-ным:

– Превосходные волосы, Филипп! Интересно, нет ли в них каких-нибудь парази-тов? Игорь Игоревич, вы не станете возражать, если мы эту излишнюю роскошь сейчас удалим?

Игорь Игоревич, взглянув на мое исказившееся от бескрайнего ужаса лицо, доб-родушно промолвил:

– Ну-ну, Вероника, не будьте такой суровой! Думаю, можно обойтись и без это-го. Фил, познакомьтесь с Вероникой Владимировной. Она наш главный эскулап, ангел-хранитель нашего здоровья! Подчас, знаете ли, бывает весьма грозна. Но, к счастью, недолго.

– Понимаю, – проблеял я, все еще полный тревоги за свою каштановую красу и гор-дость. – Милосердие – главное оружие врача... – Я умоляюще посмотрел в огромные голубые глаза Вероники Владимировны. – Не так ли?..

Девушка улыбнулась:

– Конечно, так. Раздевайтесь, Филипп. Донага! – уточнила она твердо.

Насколько эстетично выглядит абсолютно голый мужчина? Если он, конечно, не антич-ный бог и не статуя. В большинстве случаев на этот вопрос можно ответить прак-тически без слов: ха-ха-ха! Сняв одежду, я сейчас же почувствовал, как все мои безуко-ризненно пропор-циональные с точки зрения классических идеалов мышцы стремитель-но дрябнут, сморщи-ваются и прекращают существование. Зато на передний план побе-доносно выплыл некий, обычно весьма малозаметный орган. Я стыдливо пытался при-крыть его руками, но все равно казалось, что он настойчиво пытается вынырнуть из-за преграды, как бы заявляя гордо: «Вот он я! Полюбуйтесь! Каков молодец?!»

Игорь Игоревич смущенно кашлянул и сказал:

– Думаю, я здесь больше не нужен. Буду ждать вас внизу, Фил.

И спасся бегством. Наверное, представил себя на моем месте.

Вероника поправила высокий чепец и распахнула передо мной стеклянную дверь:

– Прошу! Входите-входите, не бойтесь. Обещаю, кудри ваши останутся целы!

Как же мне хотелось в тот миг, чтобы они не только остались целы, но и момен-тально удлинились до колен!

Следующий удар подстерегал меня возле зловещего сооружения, чертовски на-помина-ющего дорогой гроб. Вероника Владимировна откинула его полупрозрачную, ровным гляncем отсвечивающую крышку и скомандовала:

– Полезайте внутрь! Ложитесь на спину. Руки по швам, ладонями вверх. Глаза не закры-вать, рот широко открыть!

«О, поза музейного экспоната! Не забуду тебя до конца дней своих», – подумал я и, жарко покраснев, принял требуемое положение.

Крышка захлопнулась.

В глаза сверкнуло, в отверстия дунуло, в ушах зазвенело, а зубы заныли. Все те-ло нестер-пимо зачесалось, правую ягодицу что-то больно кольнуло. Захотелось пук-нуть и чихнуть. Чтобы я случайно не удержался от того или другого, мышцы живота получили легкий, но дей-ственный электрический удар, а в носу запершило...

Напоследок я обильно вспотел.

Из «гроба» вылезал, простите за каламбур, таким, что краше в гроб кладут. Я потупил глаза и дрожащим голосом спросил:

– Что дальше? Дыба?

– Можете одеваться, – смилостивилась очаровательная повергательница муж-ской гордо-сти в прах. – Погодите-ка. – Она ловко приклеила к моей уколотой заднице кусочек пластыря.

В шортах и майке я почувствовал себя совсем другим человеком – таким, чье имя звучит более или менее гордо. При виде смеющегося лица Вероники гордости по-убавилось.

– И так? – спросил я. – Неужели годеи?

– По всем статьям, – сказала она. – Даже зубы здоровые! Вот уж редкость, так редкость!

– Могу гвозди рвать, – похвастался я. – Вам не нужно? – Я завертел головой в поисках торчащих шляпок.

– Нет! – засмеялась она. – Жалобы какие-нибудь имеете? Плохой сон? Плохой аппетит? Жидкий стул? Частые запоры?

– Есть одна, – сказал я и сделал озабоченное лицо. – Время от времени начинают по мне бегать какие-то животные. Мелкие такие, то с хоботками, то с рожками. Я и на-звание знаю, специально в медицинской энциклопедии смотрел! Насилу, правда, за-помнил: «Делириумы» какие-то, «тременс»... Не поможете ли избавиться?

– Для нашей медицины нет ничего невозможного, – заявила Вероника Владимировна. – Слушайте и запоминайте! Перво-наперво – ежедневная трехразовая клизма. Затем касторовое масло. Перорально, сорок миллилитров за один прием, так же трижды в день. Ну... и инъекции витаминов группы «Б» внутримышечно. Очень, знаете ли, спо-собствует! Назначаем? – Она вопросительно и строго посмотрела на меня.

– Пожалуй, не стоит. Подумаешь, чертики-слоники... Не извольте беспокоиться, сам справлюсь! – бодро пообещал я и поспешно ретировался под ее залихватский хохот.

Игорь Игоревич дымил своей чудовищной сигарой и улыбался каким-то мыс-лям. Если не ошибаюсь, я даже знал, каким именно.

– Куда теперь? – спросил я.

Он разогнал рукой голубое облачко табачного дыма.

– На склад, за обмундированием и амуницией. Вы еще не проголодались?

– Нет, а вы?

– А я бы чего-нибудь съел... Ну, да это подождет. Идемте!

«С капусты-то, пожалуй, много не набегает», – подумал я и зашагал за ним следом.

– Вам понравилась Вероника Владимировна? – спросил он меня вдруг.

– Очень! – сознался я. – У вас все женщины такие прелестные?

– Пожалуй... Большинство, я думаю.

– Интересно, как они относятся к нам, представителям отсталых народностей? – словно бы в пространство, задумчиво спросил я.

– С огромным интересом!

– Исследовательским?

– Не только... Между прочим, Вероника – лишь наполовину терранка. Отец у нее был русским. Но она вам не по зубам, Фил, – поспешил проявить заботливость Игорь Игоревич. – Об нее уже многие эти самые зубы сломали. Предостерегаю по-дружески.

«Ой-ей-ей! – понял я его. – Значит, и ваши обломочки, Игорь Игоревич, там ва-ляются. И пенёчки-корешки, оставшиеся в деснах, еще побаливают».

Вслух же я только промышчал невразумительно. Пусть как хочет, так и понимает.

Каптерка была как каптерка. Точь-в-точь, как у нас на заставе. Везде бирочки, таблички, порядок и, вроде, даже запах гуталина. Каптенармус, тот и вовсе был родным братом всех старшин и прапорщиков, встреченных мною на жизненном пути. Как он корчился, бедняга, когда выдавал мне штатный набор! Словно со своим расставался, с последним!

И понять его было можно. Столько вещей для одного служивого, наверное, и в самой распоследней Буржуинии не полагалось.

Связка белья. Связка носков. Два комплекта зеленого трико. Первый – повсе-дневный, однотонный, второй – камуфляжной расцветки, полевой. Берет, не малино-вый, правда, такой

еще заслужить надо, а пятнисто-зеленый. Ботиночки типа «хаген» или, по-простому «говно-давы» – со шнуровкой по колено и ло-мо-вой подошвой. Ра-нец. («Спальник – внутри», – буркнул каптенармус.) Ремни разные, фляжки-фонарики. Тесак в ножнах, весьма смахивающий на «Бобр». Шлем с прозрачным забралом. Ка-кая-то штуковина, похожая на крошечный микрокалькулятор с прочной крышкой и ре-мешками для крепления на руке. Комбинезон вроде бронежилета со стегаными штана-ми. А напоследок – широкий чешуйчатый браслет.

– Личный, – пояснил «старшина». – Зайдешь в санчасть, там перепишут на него все твои медицинские характеристики. Носи на правой руке, не снимая. Будет по чему опознать, если, ядрёна, башку оторвет.

Успокоил, значит. А если, ядрёна, руку тоже оторвёт?..

Я сгреб все в кучу, притянул ремнями к ранцу и забросил на плечо. Тюк полу-чился не только объемный, но и тяжеленький.

– Когда смена белья? – деловито поинтересовался я.

– Какая такая смена? Что, я тебе, ядрёна, еще и подштанники переодевать дол-жен?! – поразился каптенармус, и без того смертельно опечаленный безвозвратной раз-лукой со шмот-ками.

– В ванной комнате есть специальная корзина, туда и бросайте по мере загрязне-ния, – прошептал мне Игорь Игоревич, подталкивая к выходу. – Чистые вещи вам бу-дут приносить по пятницам.

На улице он вздохнул с облегчением:

– Не люблю я здесь бывать! Осуждаете?

– Да вы что? Как можно? – вполне искренне удивился я его вопросу.

– Спасибо, Фил! – так же искренне поблагодарил он. – Ничего не могу с собой поделать. Столько лет пытаюсь привыкнуть – и никак!

– Зажуём это дело? – спросил я. – Лучше способа нет, вы уж поверьте!

– Зажуём! – согласился он. – Только сперва зайдём в казарму, вам следует пере-одеться.

По пути я мял пальцами ткань трико. Толстая, словно драп, очень мягкая и глад-кая. Скорей подходящая для зимы, а не для здешних парниковых условий. Вопрос лич-ного комфорта и теплового баланса в одежде меня порядком озаботил. Я не преминул полюбопытство-вать, не жарко ли солдатам разгуливать в такой форме:

– Вы вот, гляжу, не носите, – сказал я Игорю Игоревичу.

– Я не ношу потому что не положено, – молвил он. – Я же лицо наполовину гра-жданское, административный работник, так сказать... Кроме того, большую часть вре-мени провожу на Земле. А жарко не будет, бросьте волноваться. Материал, из которого изготовлены предметы одежды и обувь, имеет самые высокие показатели по любым параметрам. Это вообще-то даже и не ткань в общепринятом, «мануфактурном» значе-нии. Скорей сложный комплекс из нату-ральных и синтетических волокон, с кордом из металлопластовой нити и капиллярным карка-сом поддержки искусственного микро-климата. Подобное трико – весьма популярная одежда среди наших ученых-натуралистов и разнообразных любителей экстремальных видов отдыха. Альпинистов, спелеотуристов и прочих покорителей природы. Уверен, понравится и вам.

– Надеюсь, понравится, – сказал я.

Трико пришлось мне впору. Вторая кожа! Комфортно и удобно. Ботиночки были и вовсе превыше всяких похвал. Легкие, мягкие – несмотря на то, что в подошву зало-жена металли-ческая пластина, что я сразу разглядел опытным глазом. Спал бы в них, не снимая.

Я собрал волосы в хвост, нахлобучил берет, выдвинул нижнюю челюсть вперед, глянул на себя в зеркало... и остался доволен. «Дикий гусь!» Можно в кино сниматься. Еще бы ружжо пострашнее, да «лесной» грим на рожу.

Повертел браслет. Карманов на форме не было и я, недолго думая, застегнул его на правом запястье, как старшина велел. Он словно врос в руку. Вот и славненько! «Микрокалькулятор» я приладил на левом запястье – взамен сдохших часов.

«Теперь провожу Игоря Игоревича на кормежку, а сам в санчасть, к Верочке!» – решил я и воодушевленно запел «окрасился месяц багрянцем». Добравшись до «...давно я тебя поджидал», понял, что выдвинутая челюсть здорово мешает полноценному исполнению и умолк. Все равно дальше – грустный финал, ну его к лешему!

Возле входа в столовую я предельно страдальческим голосом охнул и энергично застучал себя по лбу ладонью:

– Как же я мог забыть? Игорь Игоревич, простите вы меня, изувера, Христа ради! Я же должен еще браслетик зарегистрировать. Где была моя скудоумная голова раньше? Ну да не беда, я сейчас, быстренько! – И бросился бежать.

Игорь Игоревич дернулся вдогонку. Но живо сообразил, что никуда не годится такому представительному мужчине и административному работнику носиться за хитрым солдатиком всему гарнизону на потеху, – и махнул рукой.

Был бы на его месте я, так бы рывкнул, что хитрец в штаны бы напустил и обезножил в момент!

К счастью орнитологи, даже бывшие, люди сдержанные...

Вероника Владимировна меня не ждала. Это я понял сразу, стоило взбежать по пологой лестнице к ее вотчине.

«Вот тебе и неприступная крепость», – растерянно подумал я.

Она чрезвычайно нежно ворковала с Бобиком-вторым – двухметровым рыжим красавцем, с довольно, по-моему, глупым лицом. То есть у Бобика лицо было глупым, а не у Вероники. От счастья, по-видимому: девушка-то сидела у него на коленях. Спиной к входу, а значит и ко мне.

Интересно, сохранил бы, держа ее в объятиях, интеллектуальный вид я сам?

При виде неожиданного гостя бравый Казанова выпучил бесцветные свои глазоньки и стал выглядеть еще смешнее.

– Привет, боец! – сказал я ему. – Веронику Владимировну не видел?

Бобик разинул пасть, но не нашелся, что ответить. А ведь видел ее, мерзавец, только что видел!

Зато нашлась Вероника. Она спорхнула с его коленей и удивленно, но не рассерженно, а с милой улыбкой, спросила:

– А, кинолог! Вы на процедуры? Решились-таки?!

Я пал на одно колено и проникновенно выдохнул:

– Из ваших рук – хоть чашу с ядом! Но клизму никогда!

– Это еще кто такой? – пробасил очнувшийся верзила. – Почему не на занятиях?

По тону я понял, что Бобик имеет какое-никакое командирское звание. Очень некстати.

– Новобранец! Рядовой Капралов! – отпрапортовал я и лихо щелкнул каблуками. – Знакомлюсь с расположением части и прохожу комиссии. Здесь по приказу старшины, чтобы заклеить личный браслет. Разрешите выполнять?

Рыжий замаялся. Хотелось ему, понятно, вздрючить меня по всем статьям. Но близость прекрасной возлюбленной сделала его мягким и великодушным.

– Разрешаю, рядовой. Только быстро!

– Ну, это уж не от меня зависит. – Я протянул браслет Веронике, галантно склонив голову. – Не затруднит?

– Нет. – Она вдруг совершенно очаровательно порозовела. – Я сейчас!

И скрылась за дверью, где находился «пыточный гроб».

- Откуда родом, рядовой? – без интереса спросил Бобик, равнодушно глядя сквозь меня.
- Петуховские мы, – с готовностью откликнулся я. – Слышал небось?

Он окончательно похоронил меня среди непримечательных сереньких лично-стей, не стоящих его внимания.

- Ни разу. Дыра, наверное, жуткая?
- Для тебя – наверное, – согласился я. – Для меня нет. Кому как...
- «Для Вас», – поправил он. – Обращайтесь ко мне на «вы», рядовой!

«Физиогномика – великая наука, – подумал я. – Глупое лицо лучше штампа в медицинской карточке. Что в нем нашла Вероника? Разве что рост?»

- Простите, господин генерал, не разглядел нашивок!

– Сержант, – великодушно сообщил он. – И не господин, а мастер. К старшим по званию следует обращаться «мастер». Мастер сержант, мастер лейтенант, мастер капитан и так далее. Понятно, рядовой?

– Яволь, мастер сержант! – гаркнул я, тараща глаза и вытягиваясь в струнку. – Спасибо за науку, мастер сержант!

– Ничего-ничего, рядовой, это всего лишь мой долг. Кстати, если вам предложат выбор взвода, предлагаю свой. У меня как раз имеется вакансия во второй четверке. – Он хлопнул меня по плечу. – И мне нравятся простые деревенские парни. Они всегда надежны и исполнительны. Подстричься, конечно, придется обязательно. Не так ли, Вероника?

У возвратившейся Вероники были свои соображения по поводу моей простоты, и она промолчала. Протянула браслет.

- Желаю удачи, Филипп!

Я повернулся и зашагал вниз по лестнице, не спросив разрешения убить у грозного мастера сержанта. Надоело придушиваться перед откровенным дуболомом.

Он крикнул возмущенно и прокричал мне вслед:

- Запомните, рядовой: взвод сержанта Боба!
- Боба?! – Я расхохотался.

Игорь Игоревич поджидал меня у дверей столовой. Неужели успел насытиться? Или аппетит пропал от моего недвусмысленного маневра?

– Знаете, Фил, я должен срочно отбыть. К счастью, все формальности закончены, я со спокойным сердцем передам вас непосредственному начальнику. Я заочно внес вас в штат взвода, которым командует сержант Саркисян. Думаю, вы не будете возражать. Кажется, вы знакомы?

– Против? Конечно же, не буду! – обрадовался я. – Правда, меня еще приглашал сержант Боб...

– А, Боб, – отозвался Игорь Игоревич. – Не думаю, что вам будет интересно во взводе материально-технического снабжения.

Я согласно кивнул. «Меня в обозные? Слуга покорный!»

– Тогда идемте в спортивный зал. Самого Саркисяна сейчас нет, но его заместитель, ефрейтор Бородач, должен быть там.

Спортзал выглядел на миллион долларов! Столько оборудования мог себе позволить разве что знаменитый калифорнийский «GOLD'S GYM».

А простор!

А свет!

А воздух! М-м-мм!

– Ну, что ж, до свидания, Фил! – Игорь Игоревич крепко пожал мне руку. – Надеюсь, мы еще встретимся. Ни пуха, как говорится, ни пера!

– К черту-дьяволу! – отозвался я.

Он вздохнул, зачем-то одернул свой безукоризненный пиджак и ушел, раскури-вая новую сигару. Мавр сделал свое дело...

Занимающихся в зале было не густо. Парочка взмыленных рукопашников, оди-наковых с лица, неутомимо тузила друг друга в квадрате боксерского ринга. Несколько человек деловито нагружали платформу для жима ногами совершенно потрясающим количеством «блинов». Да в дальнем углу прыгал на скакалочке жилистый паренек.

Среди «качков» своим ростом и габаритами выделялся один, заросший косма-тым воло-сом по самые глаза. Его, вполне, по-моему, небезосновательно, я и принял за Бородача. Пока я пробирался через бурелом тренажеров, здоровяк успел пристроиться под гору железа, нагро-можденного специально для него. К моему изумлению, наверх вдобавок к «блинам» запрыгнул нехлипкий молодой человек, устроился поудобнее и скомандовал:

– Давай!

Бородатый гигант громогласно ухнул и выпрямил ноги. Платформа подпрыгну-ла! Потом еще и еще. Я насчитал двадцать повторений – и это с весом, никак не мень-шим, чем четыреста килограммов!

«Стероиды, – подумал я, – и в страшных количествах. Как поживает твоя пече-ночка, дружок?»

Человек-домкрат выполз из-под груза и заявил:

– Мало! Накинь еще полтинник!

Напарники бросились «накидывать», а я бочком-бочком подошел к нему.

– Бог в помощь!

– Пока сам справляюсь, – спокойно заверил он, искоса взглянув на меня.

«Гляди, грыжу не заработай», – подумал я и осведомился:

– Ты, наверное, Бородач?

Он хохотнул:

– Еще один обознался! Нет, братишка, ошибочка вышла.

– Что, Паха, опять тебя за Бородача приняли? – поинтересовался один из «груз-чиков». Тот, что гарцевал на платформе во время рекордных жимов.

– Ну, блин! И, главное, блин, никак не пойму из-за чего? – Здоровяк ласково по-гладил свою взлохмаченную наличную растительность. – Бородач – вон! – Паха пока-зал на жилистого малого, обосновавшегося в дальнем углу.

Я кивнул и направился к нему.

Парень был не так молод, как казалось издали. За тридцать, думаю, ему перева-лило отнюдь не вчера. Абсолютно лысый, с чисто выбритым лицом и «гитлеровскими» усиками, с множеством цветных татуировок, густо обвивших обнаженные руки и торс. Он расположился между двумя стульями в глубочайшем продольном шпагате – задни-ца его почти касалась пола. Татуировки отличались великолепным качеством исполне-ния и изображали исключительно геральдических хищных птиц. От родимой двухголо-вой до мотоциклетной «харлам-давыдов-ской». Присутствовал даже нацистский орел, правда, подвергнутый некоторой цензуре. Вместо свастики сжимал он своими когти-стыми лапами ухмыляющийся череп в косо нахлобученной рогатой каске.

Глаза татуированного орнитофила были закрыты, лицо дышало умиротворенно-стью, а руки чертили в воздухе красивые фигуры замысловатых «ката».

– Вы Бородач? – спросил я почтительно. Командир, как-никак.

Один глаз, опущенный длинными, девическими ресницами, приоткрылся и уста-вился на меня.

– Мы Бородач. – Глаз закрылся снова. – Но мы здесь один, можно без «вы».

Ага, нос не задирает. Уже кое-что. Спросить бы, почему бороды нет? Так ведь, наверное, об этом его любой и всякий при знакомстве спрашивает. А выступать в роли «такого-же-как-все», признаюсь, не по мне.

– А я – новенький! Рядовой Капралов. Нынешним утром зачислен в ваш взвод.

– Ясно, – сказал он, не открывая на этот раз даже одного глаза. – Добро пожаловать, рядовой Капралов!

Бородач перестал размахивать руками и, наклонившись вперед, уперся ими в пол. Затем громко выдохнул и одним махом выбросил тело вертикально вверх. Легко прошел на руках несколько метров, обогнув стоящего столбом «рядового Капралова», и опустился на ноги где-то за моей спиной.

Я обернулся. Бородач как раз закладывал одну из ног себе за шею. Глаза его были по-прежнему закрыты.

– Готовишься к гастролям? – полюбопытствовал я.

– Готовлюсь, – с готовностью согласился он. – «Гуттаперчевый мальчик», слышал, небось? – Он снова приоткрыл глаз.

– Вау! Возьмешь меня коверным? – загорелся я.

– Сперва посмотреть надобно, что ты умеешь. Ну-ка, упали смешно, – скомандовал он, меняя «заплечную» ногу.

Падать не хотелось. Тем паче, падать смешно. Бородач оценил заминку по-своему:

– Не умеешь. Посмотрим тогда, что умеешь...

Не успел я носом шмыгнуть, как он оказался рядом и нанес три быстрых удара. Прямоком в жизненно важные точки моего любимого организма. Два я отбил, а третий так и вовсе попытался перехватить с переводом на «болевой». Не скажу, правда, что это мне удалось. Бородач скользнул змеей и оказался у меня за спиной, в не очень удобной для меня позиции – с рукой, заломленной до самого затылка. Заломленная рука была, увы, моей. Я громко охнул. Продолжение схватки грозило вылиться в позорный для меня спектакль. С ползанием по полу и слезными мольбами о пощаде.

Пора было менять экспозицию.

Я предельным усилием воли дистанцировался от болевых ощущений, сосредоточив для этого внутренний взор на пупке, и врезал пяткой по подъему стопы Бородача.

На мне были новенькие ботинки, а он, бедняга, был босиком.

Рука ощутила прежнюю свободу, а слух утешил звук громкого вскрика, знаменующего точность и силу попадания. Жаль, продолжение было не столь приятным – мое правое ухо приласкал тяжелый удар, от которого я покатился кувырком. Откатившись на достаточное расстояние, живо вскочил. И вовремя! Бородач был тут как тут и свирепо топтал ногой участок капронового татами, на котором я только что валялся.

Начала собираться публика.

– Надери ему задницу, Бородач! – крикнул кто-то азартным и довольно тонким голосом.

Я на всякий случай голос запомнил. Пригодится.

Бородач хищно крался вокруг меня, выбирая момент, чтобы сделать что-нибудь плохое. Задницу надрать, например. Я держался настороже. Он вдруг остановился.

– Ладно, хватит! Вижу, ты парень не дурак, так что за коверного сойдеешь. Беру! – Он протянул руку для дружеского пожатия.

«С такими ловкачами мы знакомы», – подумал я и осторожно подал свою.

«Предчувствия его не обманули!» Бородач крепко схватил меня за кисть и дернул к себе – лицом на выброшенный локоть. Если бы я этого не ожидал, нос мой стал бы в тот же миг гораздо менее красивым, чем прежде. А так, я лишь еще сильнее ускорился и врезался крепкими костями лба в район его ключиц. Очень славно врезался! Что-то где-то хрустнуло.

Бородач от удара грохнулся навзничь, увлекая меня за собой.

Мы лежали на теплом деревянном полу, как два брата-близнеца в люльке – бок о бок – и улыбались.

«Нечасто в наше время встретишь парня, который так здорово умеет врезать по уху», – думал я.

«Да уж!» – думал, наверное, Бородач. Он спросил:

– Как звать-то тебя по-человечески, рядовой Капралов?

– Иные, – затянул я свою излюбленную песенку, – зовут меня...

– Филька! Капрал, так твою растак, ты ли это?! – взревели оглушительно, сотря-сая мироздание до самых основ, армянско-иерихонские трубы.

С полигона вернулся Генка Саркисян.

ГЛАВА 5

Что это были за люди? Только не члены общества трезвости. Конечно, среди них есть поджигатели, грабители и убийцы, — да разве нужно что-нибудь лучшее для войны? Не подлежит сомнению, что эти люди хорошо знают свое ремесло.

Ганс Гейнц Эверс

Основная группа участников марш-броска скрылась вдали. «Надо же, как резво бегает, архаровцы наемные!» – досадливо поразился Филипп. Семипудовый Мелкий, и тот обогнал его сразу, да так припустил, что скоро совершенно пропал из виду. «Сте-роиды, – еще раз напомнил Капралов себе. – Пусть он и здоровяк, зато потенциальный инвалид. И наверняка абсолютный импотент». Увы, легче от этих мыслей не стало. Привычка к постоянному существованию в роли “самого-самого”, лучшего из лучших – скверная, оказывается, штука. Особенно в случае, когда неожиданно обнаруживаешь, что тащишься в арьергарде, что вынужден глотать пыль прошедшей колонны и пачкать ноги конскими яблоками. И что женщины, бросавшие на плечи героев цветы, а к ногам – свою честь, давно уже разошлись по домам. Этак можно и нервический срыв зарабо-тать.

Выход? Выход один – догнать и перегнать мер-р-рзавцев!

Воодушевленный Филипп резко увеличил скорость. Однако через пару сотен метров выяснилось, что долго такого темпа не потянуть. Пришлось благоразумно вер-нулся к прежнему.

А ведь заявлял же капитан Пивоваров: «Ноги, Капралов! Ноги и спина, а не би-цепсы и трицепсы делают походную жизнь солдата более легкой. Насколько это воз-можно, разумеется. Бицепсы хороши для пляжа и девочек. Для гор, «броника» и пуле-мета с полным боезапасом они только во вред. Сатана явился на Землю, приняв облик «тренера чемпионов» Джо Уайдера, и ты с радостью бросился к нему в кабалу. Оду-майся, Капралов! Одумайся, пока не поздно!»

Кажется, уже поздно...

Одиночество чертовски угнетает. Особенно, если оно сопряжено с нелюбимой, монотонной и тяжелой работой. Например, с бегом «на десятку» в полном обмундиро-вании. Чтобы не упасть духом, нужно было срочно чем-то занять голову. Песенку, на-пример, спеть. Без начала и конца, взяв за образец творчество народов Севера. Или ре-чевку завести, в темпе бега. «Раз-два, три-четыре; три-четыре, раз-два! Кто бежит? Я бегу! Бойкодвигаю ногу!»

Можно также прокрутить в памяти наиболее благодные события личной жизни. Скажем, вечером вчерашнего дня было немало приятных моментов. А это как раз и ре-комендуется действительно – повторное переживание положительных эмоций.

«Помнишь, девочка, гуляли мы в саду...»

Первым делом, после маловразумительных криков радости, Генрик потащил Филиппа в столовую. Похоже, Легион поголовно был заражен страшным вирусом об-жорства. Эпидемия булемии, не иначе!

Следом потянулась компания, занимавшаяся в спортзале.

– Знакомьтесь, – предложил спортсменам Генрик, – это мой армейский друг, Филипп Капралов. Целых полтора года, пользуясь должностным неравенством, безза-стенчиво коман-довал мною. Теперь сержант я, и он заранее проливает горячие слезы. Проливаешь, так? – насутился он грозно.

Филипп не без драматизма шмыгнул носом:

– Именно так! Горе мое велико, могучий горбоносый вождь.

– Отлично. Предостерегаю, друзья, у него чрезмерно раздутое самомнение, и он любит, чтобы его величали по отчеству. Верно, Капрал? – Генрик крепко хватил Фи-липпа по спине.

– А то?! – согласился Филипп. – Кто ж не любит? Вот и Карнеги писал...

– Писал, точно. Так вот. Пользуясь законным правом сюзерена, приказываю: звать выше-названного гордеца, кому как понравится. При малейших возражениях – драть за уши! Особо чадолюбивые и милосердные могут просить об этом своего сер-жанта. Возражения?

Он грозно взглянул на Филиппа.

– Никак нет, мастер сержант! Не извольте сомневаться, буду рад любой кличке, – отчеканил Филипп и тут же попросил другим тоном: – Кончай, Генка. Вдруг люди подумают, что я и в самом деле несносный моральный урод? А ведь я хороший!

– Совсем забыл, – добавил Генрик, – он еще и патологический хвастун. За что и люблю! Знакомься, Капрал, это мой взвод. Маловат, конечно – с тобой всего две пол-ных четверки, – но так уж здесь принято. Начнем, пожалуй, с руководства. Вот этот лысый фюрер – Бородач. Мой заместитель, ефрейтор.

– Мы уже знакомы, – отозвался Бородач.

– Этого щедедушного карлика с мохнатым лицом зовут Павлом Мелким.

– Рад, – сказал лохматый здоровяк и едва не сломал Филиппу кисть, сжав, как слесарными тисками. После чего, не переставая широко улыбаться, пояснил: – Мелкий – это фамилия такое.

– Сан и Дан. Утверждают, что братья.

Чрезвычайно серьезные близнецы-боксеры по очереди подали Филиппу крепкие руки. «Александр». «Данила». Капралов, разумеется, тут же перепутал, кто из них кто. Впрочем, на груди у каждого легионера присутствовала табличка с именем.

– Наум, – чернокудрый хазарин, специалист по объезде диких тренажеров, на-звался сам.

– Рабинович?! – ляпнул неожиданно для себя Филипп.

– Хуже, – понурил голову Наум. – Значительно хуже. Березовский.

Паша Мелкий, помрачневший было и побагровевший после выходки Филиппа, облегченно расхохотался. Отсмеявшись, предупредил:

– В другой раз, парень, следи за языком получше. Еще раз такое себе позволишь, закопаю! Уяснил?

– Вполне. Прости, – сказал Филипп Науму. – Ей-богу, пошутить хотел, и только-то.

Тот примирительно махнул рукой:

– Не бери в голову!

– Вольдемар, – голос последнего из наемников, изящного, чрезвычайно подвижного белокурого красавчика был негромким и по-мальчишески хриловатым. – Но я предпочитаю, чтобы меня звали Волком. – Он с вызовом взглянул на Филиппа. – В противном случае, бывает, обижаюсь.

– Волк – страшный человек, – зашумели сразу все. – Хорошо, что он редко на кого обижается.

«Страшный человек, значит...» Филипп прищурился.

Теперь он знал, кто призывал Бородача к расправе над его задницей.

После потрясающе богатого обеда, перемежаемого обычными солдатскими шу-точками и незлобивыми матерками, взвод двинулся в казарму.

– Сиеста, – важно объяснил Генрик.

– О-бал-деть! – захлопал глазами Филипп. – Уж не на курорт ли я попал?

– После обеда нагружаться – заворот кишок схлопочешь! Зачем Большим Братьям легионеры с больным брюхом? – с откровенным недоумением спросил сержант.

Действительно, зачем?

– Постой-постой! – спохватился Филипп, – Большие Братя, говоришь... Это вы так инопланетчиков зовете?

– Ну да, а как же их еще звать? Терране? Пытались, не прижилось. А так – и уважительно, и традиции соблюдены.

Сиеста тянулась часа три, и все это время друзья предавались воспоминаниям. Ностальгировали чуть не до слез. Филипп откровенно любовался на такого же, как прежде, чудесно усатого, волосатого, горбоносого, громогласного, широкогрудого и большерукого армянина. По которому, честно говоря, очень соскучился.

А как Саркисян говорил... М-м-м, заслушаешься! Национальное красноречие на-кладывалось на почти неуловимый акцент и вкусно выписываемые детали. Напор гор-ных рек и крепость столетнего коньяка. Громыхание сходящей лавины и соль армянского радио.

Важным Филиппу показалось вот что – занесло Генрика в Легион вследствие жутко любопытного нагромождения случайностей. Непреднамеренного, разумеется.

И пованивало от его злоключений чем-то поразительно Филиппу знакомым...

А было так:

– Поехал я, понимаешь, столицу Родины проведать. Арбат там, Горбушка, то да се... Третьяковка... Малый туристский набор, в общем. Вечерком завернул в кино. Фильм кончился, я на вокзал отправился. Стою в метро, поезд поджидаю. Рядом де-вушка красивая. Я, сам понимаешь, грудь развернул и хвост распустил. Пою. Она сме-ется, но не гонит. «Хороший знак!» – говорю я себе, и хвост еще краше разворачиваю, и грудь еще выразительнее округляю. Тут подходят два сержантика милицейских, явно под газом. Само собой, документы давай, чурка черножопая, сумку выворачивай. А са-ми уже браслеты достают. Я сумку открыл, паспорт достал, говорю им: «Обратите внимание на прописку, граждане: свой я, питерский! И не чечен злой, что примеча-тельно, а армянин добрый». Им, само собой, по борозде: «Не вякай, носатый, тебя ни-кто не спрашивает!» А чтобы понятней мне было, что не спрашивают, дубинкой под ребра заехали. Девушка пыталась вступить за меня, так менты ее сучкой обругали и пообещали всяких неприятностей. Агрессивно так пообещали! Я за девушку, конечно, обиделся. Взбеленился, рожи им начистил, пистолетики отобрал. А вот рации забыл. Да хоть бы и не забыл, что в метро телефона не найдется? Они, козе понятно, большой вой устроили в эфире. Если бы не счастливое появление Игоря Игоревича – с которым ты, как понимаю, тоже знаком, – крышка бы мне была обеспечена железная. Возможно, даже оцинкованная... Дальше ясно. В Легион, раз-два, левой. Родителям написал, что нашел отличную работу в парижском армянском журнале «Севани». Не знаю, есть ли такой? Они не поверили, конечно... Все равно открытки шлю, деньги перевожу.

«Девушка? Снова девушка? Занятно! Уж не моя ли Жанна побывала в роли при-манки?» – подумал Филипп и поспешил поделиться с Генриком озарением. Описав, на-сколько хватило красноречия, прекрасную блондинку.

– Вах! – восхитился Гена. – За такую принцессу не жалко и трех депутатов изу-вечить! До полной стерильности. Чтобы не плодились более. Нет, моя хоть и тоже хо-роша была, но совсем другая. Черненькая, худенькая. Татарочка, похоже.

– Может, совпадение... – засомневался Филипп.

– Не «может, совпадение», а «определенно, совпадение!». Как у тебя только мысли повора-чиваются о девушках плохо думать? Ай-ай-ай! А еще мужчина!..

Да уж, Генрик всегда был джентльменом в самом возвышенном, идеальном смысле слова.

– Ну, не знаю... – сказал Филипп неуверенно и задвинул свои сомнения в отда-ленный и тихий уголок сознания. До поры, до времени.

По окончании сиесты Генрик выудил из тумбочки загадочного вида коробочку, оказавшуюся коммуникатором, и скомандовал в нее:

– Личному составу взвода! К вечерним занятиям приступить! Бородач, ты, как всегда, старший. Тема занятий: «Отработка десантирования в воду». Наша машина, как всегда, «четверка». Водила, как всегда, Петруха Меньшиков. Я сегодня с вами не по-еду.

– Как всегда, – съязвил из коммуникатора чей-то голос.

– Я поведу новичка в арсенал! – назидательно сказал Генрик.

Захлопали двери.

– Отдельные оружейные комнаты в расположении взводов не положены, – разъяснил Генрик Филиппу. – Может, это и правильно. Братьям видней.

Доступ в арсенал оберегался серьезно. Хмурый дежурный, пара кошмарных со-бачек вроде кавказцев-переростков, куча следящей аппаратуры. Стальные двери от-крылись при одновременном «наложении рук» на кодовые замки дежурным и Генри-ком.

– Наша инициатива, – сообщил Саркисян. – У Братьев тут раньше разве что ов-цы не паслись.

Оставив позади настороженных собак и неразговорчивого дежурного, вошли в хранилище. Филипп восхищенно присвистнул.

В шкафах за прозрачными дверями стояли внушительные орудия убийства. Пре-красные эстетически, совершенные эргономически. «Зализанные» формы, никаких вы-ступающих частей, за исключением пистолетных рукояток и объемистых коробчатых магазинов. Крупный, по всей видимости, калибр.

– «Дракон». Штурмовой карабин калибра 13,55 миллиметров! – с пафосом пред-ставил оружие Генрик. – Боеприпас – оперенный биметаллический (железо-вольфрам) снаряд, выбра-сываемый скользящим электромагнитным полем со скоростью тысяча восемьсот пятьдесят метров в секунду. Наиболее эффективная прицельная дальность – до пятисот метров. Прицел – электронно-оптический, с увеличением плавающей крат-ности и лазерным целеуказателем. Предусмотрена работа совместно со сканером, реги-стрирующим движение, тепло, звук и даже определенный тип феромонов. Сканер, встроенный в шлем, корректируется двумя системами слежения: спутниковой космиче-ской и многоуровневой атмосферной. Называется СКАМСС. В памяти «Дракона» мо-жет храниться до двух десятков зарегистрированных целей одновре-менно. Основной тип снаряда – кумулятивный. Вполне способен пробить лобовую броню лег-кого танка или бронетранспортера.

– Тутошнего?

– Земного. Существуют и специальные снаряды, по сути – ракеты с твердотоп-ливным двигателем и встроенным процессором. При корректировке СКАМСС на по-лутора кило-метрах попадёт в копейку! Грязь, песок, вода и прочие пакости карабину не страшны. Дуль-ный срез постоянно заперт направленным вовне силовым полем какой-то там векторной при-роды. Батарея практически вечная – до тысячи пятисот выстрелов без подзарядки! Крайне низкий уровень шума! Почти полное отсутствие отдачи! Безу-пречная защита от постороннего доступа. Каждый карабин имеет индивидуального владельца, в чужих руках становясь не более чем шестикилограммовой дубиной. Обра-ти внимание на ремень. Придумавшие его ребята имеют чертовски умные головы и большой боевой опыт. На практике с «Драконом» можно управляться одной рукой – начиная от ведения огня и кончая перезарядкой. Незанятой конеч-ностью при этом хоть пуп чеши, хоть письмо пиши, хоть мастурбируй!

– Гена, онанизм, по слухам, приводит к сумасшествию. Особенно в условиях со-времен-ного быстротекущего боя. Надеюсь, тебе это известно? – вскользь заметил Фи-липп, откро-венно любясь «Драконами».

– Ага, и еще шерсть на ладонях растет, и зрение катастрофически ухудшается... Все мне известно. Но речь сейчас не о том. «Дракон» – лучшее оружие, какое я держал когда-либо в руках. Серьезно!

– Ну, так дай же, мучитель, и мне насладиться... э-э-э... тактильным соитием с этим иноземным чудом! – Филипп умоляюще глянул на друга.

– Легко.

Генрик распахнул один из шкафов, обозначенный табличкой «Взвод 4. Ответственный сержант Саркисян» и с некоторым усилием вынул крайний карабин из захватов. Филиппу показалось, что захваты потянулись следом, как живые.

– Давай браслет!

Браслет он вогнал торцевой гранью пряжки в узкий паз между рукояткой и предохранительной скобой спускового крючка. Чешуйчатая полоса поерзала туда-сюда, карабин загудел негромко, а потом выплюнул браслет обратно. Генрик отсоединил магазин и со словами: «Вот и все. Считай, приручил дракона» протянул «Дракона» сияющему Филиппу.

Капралов с трепетом принял великолепного зверя в руки.

Коричнево-зеленый монолитный корпус карабина был теплым и как бы податливым, как бы слегка прогибающимся под пальцами. На долю миллиметра, не более. Приятное ощущение. В глубине приклада, просвечивая сквозь полупрозрачный материал, горела капля света.

– Это индикатор заряда, – пояснил Генрик. – Если огонек станет ярко-алым, значит батарея села. Однако, находясь в шкафах, батареи постоянно подзаряжаются. Кроме того, на операции выдаются запасные. Замена – дело двух секунд. Хочешь попробовать?

– Знамо дело, – сказал Филипп. – Я вообще все хочу попробовать. Сам знаешь, к оружию у меня непреходящая любовь.

– Тогда действуй.

Повертев в руках карабин, Филипп обнаружил с внутренней стороны приклада довольно глубокую впадину, имеющую на дне кнопку. Кнопку прикрывала предохранительная скоба. Магазин был отсоединен, ничего опасного произойти не могло, по-этому он без раздумий сместил скобу вбок и нажал на кнопку. Плавно, словно кассета из видеомagnetофона, из торца приклада вынырнул параллелепипед размером с сигаретную пачку.

Филипп ухватился за его шершавые от мелкой насечки бока и уверенно потянул. Параллелепипед, для порядка поупиравшись мгновение, подался.

– Неплохо получилось, – похвалил Генрик.

Батарея, в отличие от карабина, была холодной, почти ледяной и довольно увесистой. Обратно «Дракон» всосал ее, как гурман моллюска.

Филипп накинул ремень, примерился и коротким движением руки забросил карабин за спину. Оружие переключалось туда с удивительной быстротой, не болтаясь и не колотя по затылку, локтям, плечам. Обратно карабин переместился еще скорее, стоило всего лишь повести плечом. Вещь!

Едва не облизав карабин, обнюхав его и огладив, Филипп пришел к выводу, что «Дракон» на порядок круче всего, из чего ему приходилось стрелять. На порядок, а то и на два! Тяжеловат, это есть. И все равно, Филиппу просто не хотелось выпускать его из рук. Маньяк прикоснулся к предмету вождения.

– Гена! – взвыл он. – Когда идем пробовать?

– Прямо сейчас. Держи! – Генрик протянул магазин.

Патроны больше всего походили на маленьких кальмаров с плотно сжатыми щупальцами и толстенькими каплевидными брюшками.

Филипп загнал тяжелый, граммов около семисот, магазин в приемник, перевел рычажок предохранителя в положение «походное», и воины Легиона отправились в тир.

– Боекомплект магазина – тридцать два снаряда. «Дракон» рассчитан только на одиночный или полуавтоматический огонь. Последний – с темпом два выстрела в секунду, – рассказывал по пути к тиру Генрик. – При той возможности наведения на цель, которая имеется, большая скорострельность просто не требуется. Практически каждый выстрел знаменуется попаданием. Зато расход боеприпасов, резко возрастающий при автоматическом огне, сводится к минимуму.

«Был, ох был у Больших Братьев военный опыт. Обширный и совсем недавний. Сколько бы они не заявляли об обратном, – подумал Филипп. – Встретить бы Игоря Игоревича сейчас!»

Для стрельбы в тире по понятным причинам снаряды полагались не боевые, а учебные, заполненные яркой голубой краской.

– Передвигаться только на отрезке рубежа ведения огня, – предупредил кругленький, жизнерадостный сержант, начальник тира. – За желтую полосу не заступать! Понято, салага?

– Так йопть, дедка! – уронил небрежно Филипп.

Тир воспроизводил участок хвойного, заваленного буреломом леса. Филипп по-правилочки, заменяющие прицельную оптику шлемного щитка, присел на корточки и замер.

Из-под толстой суковатой валежины прямо на него выметнулась темная фигура. «Пап», – выдохнул «Дракон» еле слышно, и на стремительной четырехногой торпедо появилось яркое лазурное пятно.

– Мишень поражена, рана смертельная, – прокомментировал невидимый наблюдатель.

«Так-то», – подумал Капралов и двинулся вдоль разрешенной границы. В глубине леса что-то задвигалось. Он выстрелил опять. Снова попадание! «Пошла потеха!», – обрадовался Филипп.

И потеха пошла.

Объемные, подвижные чучела онзанов выскакивали из самых неожиданных мест, перемещались, уклонялись, едва ли не «качали маятник». Давно уже Филипп не получал такого удовольствия от несерьезной, в общем, стрельбы. Особенно интересно стало, когда лазерный прицел «отказал» и пришлось палить по старинке, пользуясь обычным диоптрическим.

– Ты еще на полигоне не бывал, – многозначительно заметил Генрик в ответ на его восторги.

Все мишени до единой Филипп завалил с первого выстрела, уложившись в «отличное» время. Похвалы от Генрика и начальника тира он воспринял, как должное. С таким-то, дескать, ружьем, да мазать?!

Почти с болью оставив ставшего родным «Дракона» в арсенале, поскуливая «Куда опять?... Давай, Ген, лучше еще постреляем», он потащился за Саркисяном.

– Перетопчешься. Боеприпасов на тебя не напасть. Да и закусить надобно, – сказал Генрик, похлопав себя по нижней трети весьма нехилого торса. – Пора, брат, по-ра!

– Опять закусывать! Да сколько можно жрать, скажи на милость? – Изумлению Филиппа не было предела. – Куда в тебя влезает?

– погоди, паренек, пройдет день-два, сам станешь первым объедалой взвода, – меланхолично отреагировал Генрик.

– Сомневаюсь. Но спорить со старшим по званию, разумеется, не стану. Ибо грядущее сокрыто для меня мраком, за коим всякое быть может. А пока, если не возражаешь, я навещу санчасть. Есть там, знаешь ли, одна девочка... Славная такая, светленькая... В свете твоего трагического опыта это посещение, мне кажется, самое насущное дело. Именно это, а вовсе не прием пищи.

– Какого трагического опыта? – Генрик от изумления даже придержал на мгновение свой размашистый бег к вожаемой кормушке.

– С мастурбацией, – прошептал ему Филипп в самое ухо. – От которой шерсть на ладонях. Генрик фыркнул и пихнул его в бок.

– Шутник, ха-ха. Ох, и оторвет Бобсон хозяйство твоё беспокойное! Он, знаешь ли, Веронику уже полгода обхаживает. Всех переплюнул. Терпеливый...

В голосе Генрика Филиппу почудился намек на разочарование.

– И тебя переплюнул?

– И меня. Ты ведь не думаешь, что я мог пройти мимо нее без единой попытки склонить к близкой дружбе? Некоторое время даже надежда какая-то появилась – это когда она ко мне на колени стала забираться. Потом выяснилось, что у Больших Братьев и их прекрасных сестер представления об интимности несколько отличаются от наших. Посадка на колени, к сожалению, не значит ничего. Вот так-то, господин Жуан!

– Ты, значит, попытался, а мне нельзя? Друг, называется! Иди уж, компенсируй своё фиаско калориями!

Вероника на этот раз была одна: ни собаки, ни начальника обоза.

Филипп сходу ударился во все тяжкие: врал, хвастался, осыпал ее комплиментами и стихами. Бросал под ноги цветы, сорванные по пути, сетовал на судьбу, не сведшую их раньше, и радовался шансу, выпавшему им сейчас.

Он играл мышцами и мёл кудрями.

Он острил, падал на колени и говорил пылко.

Возможно, он несколько переигрывал (а возможно, и изрядно), но результат был налицо: Вероника зацепилась! Такое замечается сразу, особенно, если есть кое-какой опыт. Поэтому Филипп ничуть не удивился, когда она первая потянулась к нему губами. Поцелуй, к сожалению, получился не слишком страстным. Вероника ловко уклонилась от его страждущего рта и мимолетно чмокнула в щеку.

– Тебе пора, Филипп. До встречи!

– С нетерпением буду ее ждать! – блистая очами, воскликнул преисполненный любовного энтузиазма волокита.

– Я тоже...

От этих слов ястребиные крылья взметнулись за мускулистыми плечами Филиппа, и он вихрем полетел восвояси, оглашая окрестности клекотом торжества.

Победоносен!..

Незадолго до отбоя появился старшина.

«Подштанники менять?» – едва не спросил Филипп.

Старшина подозрительно осмотрел обстановку кубрика, повреждений казенного имущества не обнаружил и опустил на пол средних размеров картонную коробку, громыхнувшую железом.

– Таскай вам, безруким, ядрёна... Прими заказ.

– Какой заказ? – не понял Капралов.

– Открой, узнаешь. Наберут, ядрёна, деревянных... – посоветовал старшина на вопиющую бестолковость солдата.

В коробке плотненько устроились «цинк» с патронами, здоровенный пистолет и нож в глубокой кобуре из свиной кожи.

Действительно, заказ.

«И как я о нем забыл?» – удивился Филипп. Он взялся за ухватистую рукоятку ножа, покрытую тканью со специальной, «прилипающей» к ладони, пропиткой и потянул. «Ш-ш-ш», – сказал нож и показал свой великолепный, сверкающий клинок. А вот это уже минус. Товарный вид, несомненно, важен, только такая красота в боевой обстановке совсем ни к чему – враз демаскирует.

Тем не менее, нож был очень хорош.

– Где расписаться? – Филиппу хотелось поскорее избавиться от недружелюбно-го старшины и всласть побаловаться замечательным оружием.

– Тут, – буркнул старшина и выложил перед Филиппом толстую амбарную книгу, обернутую клеенкой.

Уверенный, что Генрик еще не спит, Филипп сгреб свои приобретения в охапку и помчался хвастаться. Глядя на его счастливое лицо, Саркисян иронично усмехнулся, отложил нож («Я в этом ни бум-бум»), пощелкал затвором пистолета и сообщил:

– Бесплезная трата денег. Простая пуля онзана не возьмет. Скользнет по панци-рю и гуд бай! Разве в башку попадешь...

– Что же делать? – расстроился Филипп.

– Есть один вариант. Сходи к слесарю, может, заменит боеприпас на подкали-берный. Вот только... человек он тяжелый. Насквозь советский. Бывший инженер из технической лабора-тории при какой-то конторе вроде КГБ. Взорвал он кого-то важно-го, прежде чем здесь ока-зался, или еще что – доподлинно неизвестно. Да никто и не су-ется выяснять. Главное – ручки у старика золотые и котелок варит. Братские умники из исследовательского центра не гнуша-ются к нему на поклон ходить. Если понравишься, блоху для тебя подкует. Ну а если нет... не обессудь. Зовут его Сергеем Даниловичем. Я тебя к нему провожу. Он как раз любит по ночам в своих железках ковыряться. Серьгу только сними, да волосы под берет спрячь.

Невысокий, щупленький Сергей Данилович стоял возле верстака и напряженно терзал «драчёвым» напильником что-то металлическое. Железяка скрипела и стонала. У Филиппа сразу заныли зубы. Он поморщился и громко сказал:

– Здравствуйте, Сергей Данилович!

– Спасибо, и тебе того же! Кто таков? – Слесарь перестал измываться над безот-ветным металлом. – Новенький?

– Так точно! Рядовой Капралов.

– В какой взвод зачислен?

– К Саркисяну.

– К Саркисяну, говоришь? Это хорошо. Генрик парень стоящий. – Сергей Дани-лович вытер руки тряпичей и закурил папиросу. – Ты, сынок, должно быть, пришел оружие показать, что на аванец свой купил? Прав я?

– Ага.

– То-то, дядя Сережа редко ошибается! Ну, показывай.

Филипп протянул ему вороненую двенадцатимиллиметровую гордость.

Слесаря перекосило.

– Что это? «Хеклер и Кох»? Вот же, блин! И этот говном буржуйским разжил-ся... Ты что, милый, боевиков обсмотрелся? На фига тебе это уродство?

Сергей Данилович брезгливо взял пистолет за ствол двумя пальцами и заглянул в ствол.

– В журнале видел, – пробормотал Филипп, – вот и загорелось. Калибр там, на-деж-ность...

– Загорелось ему... Ишь ты, какой легковоспламеняющийся. Порох! В комсомо-ле состоял?

– Не успел. – Филиппу жутко не хотелось углубляться в политические дискус-сии. – Пули бы к нему, Сергей Данилович, неплохо подкалиберные, а то говорят...

– Поучи, поучи меня, тупорылого, – фыркнул слесарь.

Мгновенно взмокнув, Филипп умолк.

Сергей Данилович ловко раскидал «Хеклера» по частям и принялся скоблить щечку затвора надфилем, ворча под нос: «Хорошо, гад, закалили, буржуи».

– Патроны давай! – сказал он и похлопал он ладонью по верстаку.

Филипп выложил четыре коробки патронов.

– Это что, все? Нет? Сколько же у тебя всего?

– Тысяча штук.

– Ладно, эти так и быть снаряжу для серьезных дел. Тренироваться обычными будешь. Свободен!

– У меня еще нож, – пробормотал Филипп, доставая из сумки «Рэндол». – Гов-но?

Сергей Данилович довольно гоготнул:

– Соображаешь! На глазах умнееешь. Говно, естественно... Ишь, как блестяит!

Он оторвал от рулона, повешенного на проволоочной рамке, бумажное полотенце. Провел по нему лезвием, держа полотенце за уголок. В воздухе запорхала тонкая полоска бумаги.

– Добро, хоть вострый. Раньше-то пользоваться приходилось? Или только карандаши точил да огурчики нарезал?

– Приходилось. – Филипп пожал плечом. – Клинок затемнить вас не затруднит?

– Клинок затемнить, говоришь? Умница! Еще что?

– Ножны. Лучше на предплечье.

– Наручные ножны? Ну, совсем молодец! Дай-ка руку! – Слесарь сноровисто обмерил Филиппу предплечье. – Дня через два заходи, будут готовы. Темляк делать, или так не выронишь?

– Не выроню.

– Обратно молодец!.. Если только не хвостун.

– Сергей Данилович, – замялся Филипп, – скажите... Сумеете вы сделать так, чтобы нож прямо в кисть выскакивал?

– Выскакивал?! Ну, блин, ты даешь! – Слесарь хохотнул. – Сумею, не сомневай-ся. И выскакивать будет, и выпрыгивать. Пальцы только, знай, береги. Все, иди, па-рень! – махнул он рукой.

– Спасибо, Сергей Данилович! До свидания!

Тот не ответил.

Заснул Филипп мгновенно, как всегда.

Снились ему объятия Вероники и злобные онзаны. Чудовища пытались отнять у него девушку и уволочь в клубящийся ядовито-желтыми испарениями Крутенький ло-жок. Филипп палил в онзанов из «Дракона» и они взрывались, предварительно укоризненно покачав головами. Головы у них были точь-в-точь расписные пасхальные яйца – только огромные, с нарисованными лицами. Разбитыми в кровь лицами Аскера Маме-довича.

Разбудила его негромкая музыка. «Вставай, проклятьем заклейменный...»

Остроумцы! Для Сергея Даниловича, что ли старались?

Филипп быстро привел себя в порядок и выглянул в коридор.

По коридору неспешно прохаживался, заложив руки за спину, Волк-Вольдемар, с головы до ног увешанный оружием и амуницией. Только шлем держал в руке. Он задумчиво посмотрел на Филиппа и сообщил:

– Сейчас будет марш-бросок. На десять километров. В полном боевом. Давай-ка, помогу собраться.

Он ловко подогнал прямо на Филиппе ремни, попутно не без высокомерия, но кратко и доходчиво объясняя, что куда и как.

Филипп попрыгал. Все сидело плотно, хоть и не туго. Тесак и фляга по заднице не колоутили, ранец по спине не елозил, шлем вокруг головы не вертелся и на глаза не сползал.

Филипп поблагодарил Волка и следом за ним отправился в арсенал.

Личный состав взвода был уже там. Никто, тем не менее, не заворчал и по за-гровку опоздавшему «салаге» не съездил. Вот они, преимущества наемной армии!

Филипп повесил «Дракона» на грудь и засвистел. Непроизвольно получился все тот же «Интернационал»...

До ворот легионеры добрались быстрым шагом.

Безногий привратник Сильвер (Джон, очевидно, подумал Филипп) пожелал им счастливого пути, и они стартовали.

Филипп поначалу намеревался бежать без шлема, но Генрик проявил непреклонность:

– Привыкай, брат. В бою он едва ли не важнее оружия. К твоему сведению, шлем содержит не только сканер, но и системы ночного и дальновидения, переговорное устройство, широкополосный транслятор сигнала «я свой», воздушный фильтр и само-ликвидатор.

Господи боже! Так вот что имел в виду каптерщик! «Будет по чему опознать, когда башку оторвет...»

– Боюсь, Гена, – признался Филипп, – самоликвидатор – это лишнее. Я не впол-не готов решиться на такой, заведомо в одну сторону, путь.

– Не думаю, – ответил на это Генрик в том же тоне, – что ты будешь колебаться, сорвать ли чеку, когда (и если) попадешь в лапы онзанам. В лучшем случае они бросают пленных в бродильный чан. Живьем. В худшем – сначала проводят множество мучительных не то экспериментов, не то пыток, а уж затем бросают в чан.

Филипп отмахнулся фигой.

– Чур меня, чур!

От белой дороги в сторону уходил проселок. Гравий, пыль, выбоины. Поленились, господа Большие Братья, асфальт положить. Или не захотели. Лететь сломя голову по такому чуду дорожного строительства Филиппу вовсе не улыбалось. Он притор-мозил. Остальным же – хоть бы хны: запылили, затопали и убежали. Оставили, бедня-гу, одного среди чужих пространств.

...В спину Филиппу что-то уперлось. Угловатое, твердое – и точно под лопатку. Интересно, что? Он не припоминал ничего похожего. Может, фонарик? Или Волк ради смеха засунул незаметно в ранец кирпич? Остановиться, разве, поглядеть? Остановить-ся, присесть, прилечь... нет уж, дудки! Если душа трудиться обязана, то тело – вдвойне!

«Раз-два, три-четыре», – забормотал он. Теплые воспоминания закончились, а конца дистанции, напротив, видно не было. «Три-четыре, раз-два. Кто бежит? Наш Капрал. Что так медленно? Устал!»

Чертов кирпич, похоже, разделился наподобие амебы, и второй параллелепипед устремился к другой лопатке, бороздя отвратительными неровными углами по хребту.

Вдобавок становилось жарковато. И хотя трико поглощало пот с прежней интенсивностью, обдувало тело прохладным воздухом, щекотно скользящим от ворота к щиколоткам, былой комфорт пропал без следа. Левый ботинок совершенно внезапно стал натирать большой палец и пятку. «Хеклер» оказался чрезвычайно тяжелым и негабаритным, зачем только надо было брать его с собой? Карабин при каждом шаге бил по ребрам.

Откуда-то явились сотни голодных кровососущих и принялись искать местечко, где бы подкрепиться. Филипп поспешно опустил забрало шлема и включил принудительный обдув, случайно запустив еще и сканер. По прозрачному щитку тут же замечались оранжевые контуры засеченных движущихся объектов: птиц, мелких зверьков и все тех же комаров. Настройкой сканера на минимальный размер целей, похоже, никто до Филиппа не занимался. Он попытался выключить умный прибор. Контуры, увы, лишь вспыхнули ярче, зато обдув полностью прекратился. Пот тут же выступил по всему лицу, будто ждал. Филипп, гнусно ругаясь, откинул забрало.

Комарики возликовали.

Каменистый проселок пошел под уклон. Посеяло мелким дождичком. Вот, значит, почему гнус лютует! К счастью, впереди, на самом пределе видимости, показались человеческие существа.

Четвертый взвод в полном составе, за исключением малохольного, тихобеглого новобранца, валялся на травке, под прозрачным пологом, растянутом между трех сосен. Филипп прибавил ходу.

Наконец открылось долгожданное второе дыхание, жаль поздновато. Перед самым финишем, отмеченным лежащими по сторонам дороги булыжниками, под ногу ему попался вертлявый и скользкий камешек. Филипп активно замахал руками, но не удержался-таки – и воспарил. В этот стремительный миг полета перед его взором промелькнули отнюдь не главные моменты короткой, но бурной биографии, а изумленные лица сослуживцев, вскочивших с земли приветствовать криками и свистом его финиш-ный спурт. Филипп грустно улыбнулся и вернулся с небес на землю, грохоча снаряжением и сдирая кожу на ладонях.

Подбежал Генрик.

– Как ты, жив?

Филипп с сомнением вздохнул и простонал:

– Там он умер, бедный Филя, совершенно обессил, где обрыв над бездной крут; там его и закопали, и на камне написали, что ему ботинки жали, но теперь уже не жмут.

– Совершенно обессил... Грандиозно! Надо обязательно запомнить! – улыбка не в меру литературно образованного армянина показалась Филиппу блудливой и издевательской.

– Критиковать легко, – заявил он. – Критики, между прочим, поголовно неудавшиеся писатели и поэты. Вы компенсируете творческую импотенцию своеобразным суррогатом насилия над более одаренными личностями.

– Эх ты завернул! Сразил наповал. Значит, ни Мережковским, ни Писаревым мне уже не быть. – Генрик огорченно махнул рукой. – Ладно, переживу. Не жмут, говоришь, ботинки-то?

– Пока лежу, нет. Но вставать страшно!.. Надеюсь, за нами прибудет машина?

– Увы тебе, мой бедный одаренный друг! Обратно – тоже бегом. Отдыхай! Пять минут мы еще подождем, так и быть.

– Эй, эй, постой, как бегом? – Голос Филиппа враз окреп и приобрел возмущенные интонации. – Мне Волк сказал «на десять километров», не на двадцать!

– Тебя же предупреждали, Волк – страшный человек. Особенно для новичков. А как он бегать любит!.. Ладно, черт с тобой, подождем... ну, восемь минут. Пожуй пока!

Генрик бросил на грудь Капралову твердый брусочек в яркой упаковке.

– Шоколадка?

– Прессованные сухофрукты, обогащенные витаминами и аминокислотами. Во-да-то есть?

– Угум.

Филипп уже набил рот, и разговаривать внятно не мог.

ГЛАВА 6

*Фиолетовая кошка
Фиолетовую мышку
Посадила спозаранку
В фиолетовую банку.
Лора Майуайф*

Как я дотащился обратно – это для отдельного рассказа тема. Рассказа трагического, унылого, постыдного и смешного одновременно. Ребята сначала почти несли меня на себе. «Лучше здесь пристрелите!» – хотелось вскричать истерично, с грохотом падая в пыль. Я хро-мал, сжав зубы, и молчал.

Километра через два такого вот мучительного, грешно сказать, бега разглядел я впереди нечто, матушке-природе откровенно чужеродное. Урбанизмус какой-то. Пред-мет отдаленно напоминал одну из половинок рассеченной надвое – с вершины до осно-вания – восьмигранной пирамиды. Удивительный агрегат был довольно крупен и рас-крашен в маскировочные цвета. Он висел невысоко над дорогой, обратив к земле слег-ка отвислое серебристо-голубое пузо, а к небу – четыре бугристые грани. Вместо ост-рой вершины пирамида имела округлую кабину недвусмысленно фаллической формы. Изумительно похожую на прототип даже цветом.

Рядом с машиной сидел на корточках небритый мужичок с ноготок и смолил ци-гарку.

Четвертый взвод радостно загомонил: «Петруха, избавитель ты наш!» – и вза-пуски помчался к средству передвижения. Ничем иным удивительный предмет быть, по-моему, не мог.

Петруха, не выпуская сигарку изо рта, улыбался, морща маленькое, сплюснутое в гори-зонтальной плоскости личико, и смешной скороговоркой отвечал:

– С вас компот, лоботрясы! Я сегодня на целых четыреста метров дистанцию вашу хре-нову сократил. Только куратору ни гу-гу, добро?!

– Добро! – орали довольные солдатики и взбегали по широкому пандусу в недра чрезвы-чайно кстати объявившегося транспорта.

– Признавайся, дядька, ты знал, что он будет здесь? – гневно возвысив голос, спросил я Генрика.

– Точно, – осклабился сержант-инсинуатор. – Знал. Петруха всегда транспортер загодя подгоняет. Ни разу еще ждать не пришлось.

Я схватил его за плечо, повернул к себе и от всей души гаркнул в радостную усатую харю... Н-да, вспоминать совестно, что я тогда гаркнул.

Он перестал улыбаться, свирепо взглянул на меня, вырвал руку и пошел быст-рым шагом к транспортеру.

Потом я, конечно, попросил у него прощения. Он попыхтел-попыхтел, да и про-стил. Доброй он все-таки души человек, мой Генка, – отходчивой души, незлобивой.

«Фаллоплан» домчался до базы минут за пять.

Водитель, Петруха Меньшиков, балагурил всю дорогу, то и дело отрываясь от штурвала и поглядывая на нас. Мне все время подмигивал. А я сидел, прижатый стра-ховочным корсетом к удобному сиденью, тупо изучал пачку запасных обоем для кара-бина, которая терла мне спину во время марш-броска, и страдал. Мало мне испытанно-го унижения, так еще и жрать хотелось, как проклятому, свеженькие мозоли болели, а мозги неотвязно терзала мысль:

«Почему, почему, скажите на милость, ребята так конкретно меня «сделали»? Как ребенка малолетнего. Как древнего хрыча, затесавшегося в компанию олимпий-ских чемпио-нов. Почему?»

Ответа не было.

Пришвартовав транспортер прямо к порогу казармы, Петруха ещё раз напомнил про компот, и машина бесшумно отплыла прочь.

– Сперва в столовую или в санчасть? – поинтересовался ехидно Генрик, когда я закончил плескаться под душем и выполз в коридор.

– Жрать! Жрать, хавать, рубать, метать... ну, и так далее! – стреляя голодными глазами в поисках чего-либо съедобного (хотя бы Бобика) воскликнул я. – Мозоли по-ждут.

– А Вероника?

– Надеюсь, подождет и она, – сказал я. – Если не хочет быть съеденной заживо.

После завтрака Генрик торжественно преподнес мне маленькую бесцветную пастилку:

– Загружайся, братишка!

– Хотелось бы прежде узнать, братишка, какова природа сего замечательного продукта, – спросил я, с подозрением изучая грушевидную капсулу.

– «Полижинакс» это, – пошловато сострил Мелкий.

– Гормоны?.. – воспротивился я, глядя, с каким азартом сгреб этот подопытный кролик биохимии свою порцию дьявольского зелья. – В задницу их!

– Не, «Полижинакс» не в задницу, – снова пошутил Мелкий, топорща бороду в непристойной ухмылке.

– Даже не предлагай, – отгораживаясь от подозрительной фармакопеи растопыренной пятерней, сказал я Саркисяну. – В моем нежном возрасте травиться всяческой гадостью совсем не годится. Да и для импотенции я еще слишком молод.

– Помилуй, Капрал, какие такие гормоны-мормоны? – вполне искренне удивился Генрик. – Павлуша, а ты помолчи ты, охальник!

Мелкий, приготовившийся сказать еще какую-то пакость, загоготал, щедро брызжа отравленной «Полижинаксом» слюной.

Генка тем временем разводил передо мною пропаганду, живописуя, какая замечательная штука эта «сома».

– Сомы, ага, – буркнул я. – Должно быть, прямые поставки из Валгаллы.

Генка на мой сарказм не обратил внимания. Он токовал. И адаптогеном, дескать, является сома и стимулятором. И метаболизм ускоряет, и шлаки выводит, и даже раны лечит. Неделька приема – глядь, ты уж супермен: химизм обменных процессов изменится кардинально. Нервные сигналы вдвое мощнее станут и впятеро быстрее по нейронам побегут. Реакция, следовательно, возрастет и выносливость тоже. А еще сила, и способность организма к регенерации. Совершенно безопасная штука и крайне полезная для выживания в бою. Глотай ее, значит, любой и всякий без боязни! А что скопцом в итоге не станешь и рак не заработаешь, так это он, Генка, клятвенно обещает и даже божится. Землю горстями есть готов – вот как о моем благе печется!

– Благими пожеланиями вымощена дорога в ад, – срезонерствовал я и сунул пастилку за отворот рукава, решив вначале справиться у Вероники, насколько безопасен этот «адаптоген».

– Ну, а теперь пора лечить раны.

Я поднялся из-за стола, с сожалением поглядывая на десерт из взбитых сливок и черешни, к которому как раз приступали счастливые обладатели безразмерных желудков.

– Полчаса тебе сроку. Потом подбегай к арсеналу, – посоветовал мне мастер сержант, облизывая ложку.

«Фужер» возле офицерского корпуса гудел и содрогался, точно работающий на полных оборотах гусеничный трактор. Я с опаской обошел его стороной. Черт знает, что за штука такая и чего от нее можно ждать?

Вероника прилаживала к лохматой шее Бобика-первого пышный розовый бант. Увидев мое лицо, исполненное невыносимого страдания, она хлопнула пса по спине, отгоняя, и испуганно спросила:

– Что с тобой?

– Рана, – простонал я, ваясь ей под ноги. – Боюсь, смертельная. Вероника, пом-ни: я... я обожал тебя!

Она, конечно же, сразу раскусила безыскусную игру и ухватила меня за ушко:

– Перестань сейчас же! Я, между прочим, на службе. Да и ты тоже. Выкладывай, что случилось?

С таинственным видом я прошептал:

– Меня хотят отравить! Подсунули яд под видом витаминов. Но мне удалось перехитрить злодеев. – Я показал ей капсулу. – Возьмешь на экспертизу? Мы вместе раскроем заговор и получим по ордену!

– Филипп! Прошу тебя еще раз, перестань дурачиться! Это действительно своеобразный стимулятор. Причем не только безопасный, но и крайне полезный. Знаешь, у меня есть небольшой запас... – Вероника выдвинула ящик стола и достала картонную коробку без надписи, – ...похожего снадобья. Только это изготовлено по особой рецептуре, специально для офицеров. «Сома активированная». Тебе я, пожалуй, дам упаковку. За красивые глаза. Пользуйся! Принимай каждый раз по капсуле после еды и об усталости забудешь навсегда. Может быть, тебя даже назовут Филиппом Неутомимым!

– И в любви? – тихо спросил я, посмотрев ей в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.